

МИХАИЛ ДОРИН

АВИАТОР 5
НАЗАД В СССР

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 5

«Автор»

2023

Дорин М.

Авиатор: назад в СССР 5 / М. Дорин — «Автор», 2023

Лейтенант Родин готовится исполнить свой долг перед Родиной в небе Афганистана. Он отдал всего себя на войне в прошлой жизни. Теперь ему снова придётся встать на защиту Отечества. Прекрасные и суровые горы, невыносимая жара и вездесущая пыль сухих ветров, и, конечно, «нурсики», шурави и восточный колорит местных жителей - всё это Афганистан 80х, который навсегда вошёл в историю нашей страны.

© Дорин М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 5

Глава 1

Аэродром гудел, словно гигантский рой пчёл. По центральной заправочной перемещается спецавтотранспорт, светя во все стороны фарами. Запах керосина стоял такой, будто он вылился на землю проливным дождём. Техники бегали вокруг самолётов, подвешивая с тележек боеприпасы и проверяя готовность оборудования кабины к вылету.

– Живее, Саша! – кричал кто-то со стоянки.

– Крути, давай! Это ж командирский, а он пойдёт первым, – подгонял один из инженеров солдата-срочника, который закреплял бомбу на балочном держателе.

– Проверь лопатки. Меняли недавно. И отвёртку не забудь в сопле, как всегда. Не нападёшь на вас! – отчитывал другой инженер подчинённого.

В общем, работа кипела знатная. Техникам всегда приходится несладко в такие моменты. Ночью, в свете фонариков и ламп необходимо подготовить технику целой эскадрильи, а это двенадцать самолётов – задача не из лёгких. И сделать это надо к определённой времени.

Рядом с моим сорок третьим бортом не было такой активности техников. Дубок вместе с одним из солдат стояли у стремянки в ожидании моего прихода.

– Усё, Сергеич! – громко сказал мой техник, крепко пожимая мне руку. – Как и говорилось – две ОФАБ-250-270 и подвесной топливный бак. Пушка двести патронов, – доложил Дубок со своим отчётливым кубанским акцентом.

– Эт хорошо. Пойду борт осматривать. Подержи, дружище, – протянул я шлем с вложенным шлемофоном и наколенным планшетом Дубку.

Ему единственному я доверял своё снаряжение. Пока делал обход, в голове мелькали разные мысли. Вот тот самый момент, когда я должен буду поработать по полной программе. Для таких дел и воспитывают, и тренируют лётчиков. И сейчас нам предстоит настоящая мужская работа. Возможно, именно для неё моё сознание волею старушки-судьбы отправлено сюда из будущего.

Больше четырёх лет назад, а будто вчера, я открыл для себя Советский Союз конца семидесятых и поступил в лётное училище, исполняя тем самым и свою мечту, и мечту моего реципиента.

– Серый, ты готов? – крикнул мне Валера, надевший уже шлем и перчатки.

Наши самолёты были рядом, так что, пока ещё не начал запускаться Томин, было время постоять на бетоне.

– Конечно. Ты за меня волнуешься? – улыбнулся я.

– Есть немного. Слишком рано для тебя. Но энтузиазма в тебе и настроя выше крыши, – похлопал меня по плечу Гаврюк.

– В предвкушении настоящего дела. Не для этого ли мы с тобой и пошли в лётчики? – спросил я.

– И для этого тоже. Слушай мои команды и не геройствуй, – сказал Валера, который является ещё и моим ведущим в этом полёте. – Даже если не попадёшь, ничего страшного. Нам главное – накрыть район.

– С таким количеством мы большой район накроем, – заметил я, посмотрев на подвешенные под крылом бомбы.

– Бортовые аэронавигационные огни не включай, кроме строевого. Высоту сбора нам командир подскажет. Всё как на полётах – подходишь снизу и держись с принижением...

Валера не успел договорить, поскольку командир начал занимать место в кабине. Хлопнув по рукам, мы проследовали к своим самолётам.

Дубок, по сложившейся традиции, усадил меня в кресло, угостил конфеткой и протянул снаряжение. Пока я экипировался, осмотрелся по сторонам и ещё раз оценил погодные условия.

Небо было звёздное, без единого облачка. Но в районе работы, как нам довел начальник метеослужбы, наблюдается облачность в три балла. Не очень хорошо для работы нашими оптическими прицелами, но и не самые плохие условия.

Оборудование кабины проверено, радиостанция включена, необходимые данные записаны у меня в наколенном планшете. Осталось только дожидаться общей команды на запуск.

– Семнадцать ноль ноль один к запуску готов. Доклад о готовности в парах, – произнёс в эфир Томин.

Каждый ведущий пары доложил, что его группа готова. Валера тоже исполнил свою обязанность в этом вопросе. Наша с ним пара была крайней в боевом порядке, а значит, и взлетать мы будем после всех.

– Дворцовый, Семнадцать ноль ноль один, группе запуск, – запросил на канале боевого управления руководителя полётами командир.

– Первый, группе запуск. Взлёт первого в двадцать два четырнадцать, – сказал руководитель.

– Дворцовый, Семнадцать ноль ноль один понял вас. Группа, запускаемся!

С небольшим волнением я выполнял до автоматизма отработанные действия. Правильно говорят, что на земле ты должен знать материал на отлично, чтобы в воздухе отработать не ниже, чем на «удовлетворительно». Теперь мне вообще не до оценок.

Все параметры проверены, органы управления меня слушаются, вооружение в готовности, а сам я ожидаю дальнейших указаний от своего ведущего.

Начали вырубивать первые экипажи в направлении первой рулётки. Ширина полосы позволяет нам взлетать парами. Вот уже на полосе и выстроилась группа командира. Томин, кстати, летит на двухместной модификации УМ с Бажаняном в составе экипажа.

– Не забываем, что интервал – минута. После взлёта, каждая пара работает в отдельности, – дал крайние указания Томин. – Дворцовый, Первый, к взлёту парой готов.

– Первый, взлёт парой разрешил.

– Взлёт, «Максимал»! – громко ответил Томин, и первая пара устремилась по полосе на взлёт.

Отрыв, и вот они уже выполняют отход вправо с набором высоты. Постепенно очередь подходила и до нас с Валерой. На своём самолёте, стоявшем передо мной, он продвигался к полосе. Я за ним. Пара за парой уходили наши сослуживцы от аэродрома всё дальше и дальше, скрываясь в ночном небе.

В эфире стоял жуткий балаган. Доклад на докладе, вопрос на вопросе, размышления, советы – это всё было слышно только от первой пары с командиром во главе. Другие не отставали от него.

Начали разгоняться по полосе Мендель и Барсов. Разбег, подъём носового колеса, и пятая пара тоже оторвалась от бетонной поверхности.

– Наша очередь, – тихо сказал Валера, успев вклиниться в плотный радиообмен.

Техник очень быстро вынул предохранительные чеки с бомб, чтобы их теперь можно было применить. Как и полагается, после этого заботливое поглаживание по консоле крыла. Душевная традиция перед вылетом!

На полосе выстроились в правом пеленге в ожидании расчётного времени взлёта. В наушниках я прослушивал странное сопение. Может, кто-то из группы руководства уже решил прилечь в такое время поспать, да забыл кнопку на тангенте отпустить?

– Дворцовый, Сто восьмой, дальний и ближний привод включены? – запросил Гаврюк.

– Сто восьмой, включены. У вас показаний от них нет? – поинтересовался руководитель полётами.

Валера не ответил, и мысль у меня уже появилась, что на борту моего ведущего проблема. Не хотелось бы мне вот так закончить своё первое боевое задание в Афганистане.

– Показания в норме. Борт порядок. Прошу паре взлёт, «Максимал», – ответил Валера, чем успокоил меня.

Успокоил относительно. Я попробовал не обращать внимания на волнение, и сосредоточиться на полёте, но потеть у меня начали все неприличные места. И это мы ещё не взлетели!

– Выводим, – сказал Гаврюк, и я отклонил рычаг управления двигателем на режим «Максимал», не отпуская тормоза.

– Выполнил.

– Паашли! – скомандовал Валера, и мы пошли с ним в разгон.

Ночью, ориентиры на разбеге – боковые огни ВПП и консоль крыла твоего ведущего. Набор скорости идёт медленнее, чем на форсаже. Самолёт загружен гораздо больше, чем это бывало на плановых полётах, так что бежать нужно чуть дольше.

– Поднимаем, – подсказал Валера, и я слегка взял ручку на себя. —И... отрыв.

Почувствовал пятой точкой, что самолёт оторвался от поверхности и перешёл в набор. Звёздное небо заполонило весь обзор, если не считать Валеру, который повёл меня за собой вправо сразу после взлёта.

– Выводим из разворота. Крен сорок пять градусов, шасси... убрано, – проговаривал все свои действия Валера, чтобы я делал с ним всё синхронно.

– Крен установил, шасси, закрылки, щитки убраны, – доложил я.

– Сто восьмой, ответ Первому, – запросил Валеру его тёзка Томин.

– Отвечаю, Первый.

– Уточни задачу через Дворцового. Нам по направлению не отвечают, – вышел на нашем канале в эфир командир полка.

Пока наш пункт управления уточнял, в чём причина, мы уже пролетели сияющий Ташкент и взяли курс к границе.

В лунном свете красиво смотрятся хребты гор. Пока ещё находимся под управлением своего аэродрома, но вскоре нас должен взять Бокайды.

– Высота истинная тысяча пятьсот метров, – сказал Валера, и я тут же контролирую показания высотомера у себя.

– Подтвердил.

– Там гряда гор впереди. Готовься к набору на «Максимале».

– Понял.

В эфире уже не слышно наших товарищей. Все перешли под управление «Островного» – таким был позывной аэродрома Бокайды. Даже впереди никого не видно, поскольку горный хребет, за которым начиналась пустынная низменность Сурдарьинской области, скрывал переваливших через него.

– Дворцовый, Сто восьмой, прошу набор четыре тысячи.

– Разрешил, Сто восьмой. Далее связь с «Островным».

– Понял. Внимание... обороты «Максимал», – скомандовал Валера, и мы резво пошли в набор.

Перед глазами очередная стена и приближающаяся гряда гор гораздо выше. Переваливаем вершину с небольшим превышением, и снова начинаем снижаться, чтобы выдержать истинную высоту в четыре тысячи метров.

– Сейчас разворот влево... паашли, – дал команду Гаврюк.

Ручку управления плавно переложил в левую сторону, выдержав своё место за ведущим. Пустынная низменность, разбавленная отдельными населёнными пунктами, осталась справа, а мы продолжаем идти вдоль хребта в направлении района выполнения боевой задачи.

Ощущается небольшая болтанка, и ветер слегка сносит нас к вершинам. Не думал я, что ночью в горах можно попасть под такой воздушный поток

– Держи по прибору шестьсот, – подсказал мне Валера, заметив, что я слегка выдвинулся вперёд.

– Ветер боковой сильный.

– Не переживай, не сдует, – поддержал меня Гаврюк, слегка усмехнувшись в эфир.

«Островной» принял управление нами через пару минут. Горы остались позади, открыв мне вид на пограничную с Афганистаном реку Амударья. Пролетев изгиб этой водной артерии, мы оказались на территории Афганистана.

– Наблюдаю разрывы впереди, – доложил Валера.

Бои шли как раз в районе наших целей. Перейдя на канал боевого управления, я сразу понял, что удар ещё никто не наносил.

– Сто восьмой, парой займите шесть тысяч, – передал нам командный пункт. – В этом районе вираж до команды.

Заняли с Валерой свою зону ожидания как раз над остальными группами, которые крутили свои виражи под нами. Представляю, как устал Томин, который барражировал здесь больше всех.

– Торос, Торос, я Первый, готовы к работе.

Но ответа не последовало. Под позывным «Торос» работал авианаводчик, который сейчас находился на самом переднем краю.

Попеременно я стал менять руки, чтобы они не забивались от постоянного маневрирования со своим ведущим. И ведь нельзя сейчас и слова сказать в эфир. Командир постоянно вызывает «Тороса», но в ответ тишина.

В уме давно я стал держать тот факт, что топлива нам может не хватить для возвращения в Осмон.

– Первый, вас... онял, – донеслись до меня обрывки связи. – Квадрат сорок двенадцать. Цель по улитке девять. Восточный склон, как приняли?

– Понял вас, – резво отозвался Томин. – Выхожу на боевой. Интервал тридцать секунд. Цель обозначаю.

Все тумблеры, отвечающие за вооружение, я включил сразу, чтобы не забыть про них во время пикирования на цель.

Несколько секунд и Валера дал команду, на вывод из виража с боевым курсом Сто семьдесят градусов. Установили скорость шестьсот, высоту три тысячи пятьсот.

Я даже не смотрел по сторонам, чтобы не потерять в такой непроглядной темноте Гаврюка. Где-то впереди уже светился огонь САБа, сброшенного в первом заходе на цель Томиным.

Световую авиабомбу бросают, чтобы подсветить район удара. Она опускается несколько минут и в этот момент группа заходит на удар.

Я в постоянной готовности включить форсаж, чтобы увернуться от какой-либо ракеты. Сам же пытаюсь себя успокоить, что у духов в массовом количестве они появятся позже, но мозг этого не осознаёт.

Ужасно захотелось пить, будто я сам сейчас там внизу. Та обстановка для меня более привычна, а вот видеть с воздуха светящиеся пунктиры трассеров и крупнокалиберных пулемётов – в новинку. Невольно, но начал слегка зажиматься, будто и не был никогда на войне.

Один за другим над головой проносятся наши товарищи, уже отработавшие по целям. Разрывы на земле вспыхивают вновь и вновь. И нам также нужно, просто положить в тот же район свои бомбы.

– Сто восьмой, справа пулемёт. Манёвр! – раздался в эфире жёванный голос авианаводчика, когда мы подошли к точке снижения с Валерой.

– Вниз, вниз! – скомандовал Гаврюк, и я только почувствовал, как будто камни начали падать на фюзеляж.

Вроде не зацепило, иначе бы самолёт не был бы так устойчив.

– Цель вижу, готов работать.

– Сто восьмой, разрешил. После работы влево и с набором.

– Понял. Пикируем!

Валера пошёл пикировать первым, а я должен был выдержать интервал.

– Иии раааз, – проговорил я про себя и отдал ручку управления самолётом от себя.

В прицеле только яркое пятно от предыдущих разрывов. Угол пикирования даже не контролировал, как и все остальные параметры. Делал всё за своим ведущим. Валера впереди и вот он пошёл в набор. Значит, и мне нужно сейчас сбросить бомбы. Только бы не затянуть!

Нажал кнопку РС и резво вышел в паре сотне метров от горной вершины. Снова световые линии пулемётов, под которые только чудом удалось не попасть.

– Сто девятый, высота сбора три триста, – услышал я голос Валеры в череде других переговоров.

А вот и его борт! Уже занял обратный курс и ждёт, пока я пристроюсь к нему. Остальные уже наверняка пересекают речку и обсуждают сегодняшний залёт на бомбо-штурмовой удар.

– Сто восьмой, разрешите пристроиться справа? – запросил я у Валеры.

– Разрешил, – ответил Гаврюк и приветственно сделал покачивание с крыла на крыло.

Вот и моё второе боевое крещение. Вышло оно коротким, но и слишком долго находиться над целью, значит, подставить себя под удар. Чем быстрее и точнее отработал, тем лучше.

– Сто восьмой, ответь Первому, – запросил нас Томин, вернувшись снова на канал боевого управления авианаводчика.

– Первый, пара в сборе, борт порядок.

– Сто девятый, подтвердил.

– Понял, до встречи, – довольным голосом произнёс командир.

И правда, в руках появилась какая-то лёгкость. Небольшая зажатость, которая была до момента пикирования, улетучилась. Эх, сейчас бы пару манёвров на радостях сделать или ИК-ловушки отстрелить, как на полигоне. Валера не одобрит только.

Луна светит также ярко. Разрывы остались где-то там за спиной, но наш мощный удар должен помочь парням додаться до духов и отбросить их дальше на юг.

Невольно представил себе, насколько рискованным делом я раньше занимался, будучи таким же авианаводчиком, как и этот, с позывным Торос. И ведь у него сейчас, по сути, кроме карты, дымовых шашек и радиостанции, вес которых как у небольшого сейфа, особых приспособлений для наведения и нет. Ни беспилотников, ни автоматизированной системы управления, ни тепловизоров – как вот так раньше воевали?

И ведь вывел на цель хорошо и точно.

– Кама, я Торос, накрыли нас миномётами. Много двухсотых и трехсотых. Прошу разрешения уйти через ущелье... – прозвучал в эфире усталый голос того самого авианаводчика.

Запрашивал он командный пункт, который находился на борту Ан-26РТ. Не знаю, кто именно был на том борту. Наверняка кто-то из генералов, которые руководили этой операцией.

– Торос, я Кама, через час будут вертушки. Погода плохая на перевале. Держитесь час, может, дольше.

– Кама, прошу разрешение отойти через ущелье...

– Запретил, Торос. Повторяю, запретил. Иначе прорвут кольцо.

– Да мне через десять минут не с кем будет держаться! – кричал Торос.

И вот какая мне мысль должна была прийти сейчас в голову? Не бросать же там ребят. У нас у каждого с Валерой по двести снарядов к пушке. Можем отработать по паре заходов. Да только... склоны уж слишком крутые. Можно не выйти из пикирования, не зацепив вершин.

– Кама, я сто девятый. Готов отработать. Остаток топлива позволяет, – вышел в эфир Валера.

– Сто девятый, запретил. Сильное противодействие духов. Вертолёт уже на запуске.

Только что говорил про плохую погоду, а теперь даёт ребятам в горах надежду. Сидит там какой-нибудь «паркетный», который не может отойти немного от плана, чтобы спасти ребят. Или боится, что за потерянные два самолёта с него шкуру спустят. Сыкло, короче!

– Сто девятый, перейди на стартовый, – тихо сказал Валера.

Я переключил на станции канал, выставив наш аэродромный, и тут же связался с Гаврюком.

– Вираз влево на своей высоте, – сказал он, и мы пошли с ним крутиться над долиной в нескольких километрах от реки.

Граница была уже рядом. Впереди видны огни Термеза, а стрелка АРК уже отработывала на привод Бокайды. Так мы контролировали своё местоположение. Нам оставалось только уйти на связь с «Островным» и этого призыва о помощи никто бы не услышал.

– Чего думаешь, Серый? – спросил у меня Валера.

– Ты ведущий, тебе и решать, – сказал я и после небольшой паузы продолжил:– Предлагаю атаковать.

Глава 2

Валера взял небольшую паузу. Как я понял, он сомневался, стоит ли меня привлекать к оказанию такой помощи. Чем атаковать пехоту у нас было, время пока что тоже имелось. Не хватало только топлива, чтобы вернуться в Осмон. Придётся запросить вынужденную в Бокайды при возвращении через границу. Но сейчас это не самое главное.

Внизу гибнут наши ребята, и рассуждать о том, где нам приземлить свои самолёты, будем потом.

– Стрелять ночью по духам из пушки ты не сможешь. Тебе ещё сложновато. Будешь меня прикрывать, – сказал Гаврюк. – Переходим на радиоканал Тороса.

Напоминает мне этот способ поражения противника фильма про Великую Отечественную. Лихо пикировать на позиции противника и расстреливать их из пушки – малоэффективно, как мне кажется. Да только какой у нас выбор? Сбежать и, мол, был приказ от руководителя операции улететь. Да пошёл он, этот начальник! Кто бы он там ни был.

– Торос, я сто восьмой, готов отработать по позициям. Прошу целеуказания, – запросил Валера авианаводчика, когда мы снова вышли на боевой курс.

Луна продолжала освещать долину, но и место боя в горах светилось пламенем пожаров и линий стрелковых очередей.

– Сто восьмой, ответь Кама, – прозвучал нервный голос «старшего» на воздушном командном пункте. – Запретил работать! У вас только пушка.

– Кама, я сто восьмой, не разбираю. Повторяю, не разбираю! – начал игнорировать Валера команду вышестоящего пункта. – Торос, прошу целеуказания.

До позиций оставалась минута лёту, а наводчик продолжал молчать.

– Сто девятый, выход в зону ожидания. Высота четыре пятьсот, – дал мне команду Гаврюк.

– Понял, – ответил я, и плавно начал набирать по спирали установленную ведущим высоту.

Сам Валера тоже пошёл в набор и встал в вираж чуть ниже меня. Он продолжал вызывать Тороса, но в ответ тишина. Пару раз командный пункт Кама на борту Ан-26 пытался вернуть нашу пару на аэродром, но Валера молчал.

В кабине я сразу переключил оружие на стрельбу из пушки. В прицел ввёл необходимые параметры, хотя вряд ли в такой темноте оптика мне даст большую точность.

Старался не упускать из виду район боя. Разобрать, где наши, а где духи – не самая простая задача. Как мы будем атаковать позиции противника, ещё и в ущелье – слабо себе представляю.

– Сто восьмой, мы в северной ...асти ущелья. Ориентир – гор... ая колонна бронетехники. Противник на западной и восточной вершинах, – кричал в эфир авианаводчик, чей голос постоянно прерывался помехами. – Заход на цель с курсом двести сорок два градуса, работать не ниже трёх тысяч метров.

– Понял. Сто девятый, работаешь за мной следом по восточной вершине очередью. Весь боекомплект на ДШК. Высота вывода три триста, – дал мне указание Валера. – Готов?

Пока Гаврюк говорил, я прокрутил в голове предыдущий заход на цель. Перед глазами сразу всплыла картинка яркого свечения световой бомбы, разрывов снарядов и световых пунктиров пулемётов справа от меня. Сейчас мне нужно спикировать как раз на эту самую позицию.

Да только ничего я там не вижу. Пока эти «сварочные» пулемётные установки не начнут работать, их невозможно обнаружить. Можно работать по памяти, но это слишком ненадёжный вариант.

– Сто девятый, готов? – снова запросил Валера.

– Не могу найти глазами цель, – сказал я, всматриваясь в призрачную темноту вершин. – Противника определил, а вот установки не знаю где.

– Тогда пикируешь за мной через пять секунд. Угол Десять градусов. Засекаешь очередь и атакуешь, увеличивая угол пикирования.

Стоит ли сейчас говорить, что на боевом курсе, тем более в горах и ночью, отдавать ручку управления самолётом от себя и увеличивать тем самым угол пикирования – очень опасное дело. Как и вся война в целом.

– Принято.

– Разворот вправо с креном в шестьдесят градусов, – произнёс Валера, и я отклонил ручку управления ещё сильнее в нужную сторону. – Приготовились... паашли!

Самолёт Гаврюка устремился к самому эпицентру боя. Я отсчитал про себя нужный интервал и последовал за ним, предусмотрительно отвернув слегка в сторону предполагаемой позиции установки ДШК.

Никого и ничего не видно. Может, там и нет уже пулемётов, а я только зря не стал отработывать по духам. Палец уже был наготове нажать на гашетку, чтобы накрыть огнём пулёмётный расчёт.

Перед глазами начали появляться световые линии пулёмётных очередей. Вот куда нужно отработать! Ещё немного ручку управления отдал от себя и вправо, скорректировав боевой курс. Левая рука предусмотрительно на рычаге управления двигателем, чтобы сразу уйти вверх на «Максимале» или включить форсаж.

– Сто девятый, начал работать по тебе. Влево с набором уходи, – подсказывал мне авианаводчик, да только нельзя ведущего бросать.

Зажимаю гашетку и чувствую, как самолёт весь затрясло, а скорость начала снижаться. Будто тебя что-то выталкивает из этого пике. Замечаю, как у меня с приборной доски отвалился какой-то колпачок. Искать его сейчас под ногами, естественно, я не буду.

Ручка на себя, обороты двигателя на «Максимале», и меня вдавливают в кресло в несколько единиц перегрузки. Резкий выход влево с набором прежней высоты. Пока набирал высоту, успел сделать пару вращений вокруг своей оси.

Не мог я удержаться, чтобы не глянуть под собой на результат попадания. Пока выровнял самолёт, наблюдал детонацию на вершине. Значит, попал я точно, куда и следовало. Ещё и получился некий фейерверк в честь успешно выполненного задания.

Валера появился слева от меня и вышел вперёд, чтобы я его разглядел. Самолёт моего ведущего болтало из стороны в сторону, и он с трудом выдерживал направление и высоту. Похоже, что немного зацепило командира звена.

– Торос, ответь Сто восьмому. Как результат? – спросил Валера.

– Цель поражена. Спасибо. До прилёта вертушек продержимся. Ух, – выдохнул в эфир авианаводчик.

– Понял. Сто девятый, переходим на стартовый канал «Островного».

Через пару секунд в эфире уже звучали переговоры аэродрома Бокайды. Оттуда тоже должны были работать ударные группы, а также осуществлять их прикрытие силами истребителей.

Я проконтролировал параметры своего самолёта. Все было в норме. Смутил меня только топливомер, стрелка которого показывала неутешительные восемьсот девяносто килограмм.

– Сто восьмой, у тебя борт в порядке? – запросил я.

– Нет, – с трудом ответил Валера. – Фонарь запотеваает, приборы ерунду показывают. Похоже, что теперь ты ведущий в паре.

Вот так новость! В училище похожая передряга случилась со мной. Тогда мне помог мой инструктор Швабрин, а сейчас уже мне придётся вести за собой товарища.

– Понял, – сказал я и проговорил про себя радиообмен с аэродромом Бокайды. – Островной, Сто девятому на связь.

С первого раза меня не услышали. Группа руководства отправляла несколько экипажей на выполнение задачи.

– Отвечаю, Сто девятый, – уставшим голосом ответил руководитель полётами.

– Островной, доброй ночи. Иду парой со Сто восьмым по обратному маршруту, пересекаю государственную границу. Прошу посадку у вас, по причине малого остатка топлива и повреждения у ведущего.

Руководитель полётами не торопился отвечать. Его, видимо, я поставил в тупик своей просьбой о посадке у них на аэродроме, а нам сейчас такое промедление ни к чему.

– Сто девятый, уточняю возможность вас разместить, – сказал руководитель Островного.

Чего уточнять? Дайте сесть, а потом будете размещать, кормить, поить и разбираться с нами. Мысль была о том, что какой-то неадекват сидит в кресле руководителя, совершенно незнакомый с понятием «оказание помощи терпящим бедствие».

– Сто девятый, если есть возможность, запросите посадку на своём аэродроме. Вас ставить негде.

Вот это причина! Удивляет меня такой подход к оказанию помощи в нашей армии.

– Островной, я Сто девятый, топлива на Дворцовый уйти у нас не хватает. У Сто восьмого повреждения, как приняли? – повторил я.

Может, просто не понял руководитель полётами? Странные какие-то ответы у местной группы руководства.

– Сто девятый, я повторяю... – снова начал отвечать представитель «Островного», но на заднем плане послышался довольно грубый голос.

– Я тебя сейчас уконтроплю! Дай им посадку!

Пока я изрядно потел в районе спины, а местный управленец воздушным движением раздумывал садиться нам в Бокайды или прыгать в районе Ташкента, нашёлся на том конце принимающий правильных решений.

Похоже, что сейчас нам точно разрешат посадку. От такой встряски даже меня взбодрило, пусть и не было ещё возможности этим вечером расслабиться.

– Сто девятый Островному! Заход рассчитываете сходу? – вышел на связь уже другой человек, голос которого был гораздо увереннее и солиднее.

Как мне кажется, это и есть руководитель полётами. А тот, кто разговаривал с нами изначально, наверняка дежурный по приёму и выпуску воздушных судов или какой-нибудь молодой руководитель зоны посадки, пришедший недавно в полк. Вот молодёжь и не сообразила.

– Точно так. Посадка парой.

– Принял.

– И... и медиков, – прохрипел в эфир болезненный голос, похожий на Валерин.

– Понял. Медицинскую помощь обеспечим, – ответственно заявил руководитель полётами.

В Бокайды посадку я ещё не делал, но здесь заход на полосу гораздо проще, чем в Осмоне. Местность пустынная, сухая, минимум растительности, а ближайшие холмы далеко от лётного поля. Именно поэтому летом здесь жарко, как в степях Владимирска.

В эфир уже начал кричать речевой информатор на самолёте, что на борту аварийный остаток топлива.

– Сто восьмой, дотянете до аэродрома? – запросил руководитель полётами.

– Островной, дотянем. Посадка с ходу, снижение... снижение рассчитываю с двадцати пяти километров, – тяжело произнёс Валера.

Даже не могу себе представить, что там в кабине у моего командира звена. Такое ощущение, что он серьёзно ранен и из последних сил держится в сознании.

Вместе приступили к снижению. Постепенно убираю обороты и ручку отклоняю на себя. Полосу видно на большом расстоянии в такую светлую ночь, и она нас приветливо встречает огнями подхода и прожекторами.

– Островной, Сто девятый, дальний прошли, посадка парой.

– Сто девятый, посадку разрешаю, ветер боковой справа до шести метров, – выдал условия руководитель полётами.

Валера начал проседать. Его МиГ продолжал покачиваться из стороны в сторону, так и норовя задеть меня и сесть до полосы. С такой амплитудой мне опасно с ним заходить на посадку, но, возможно, только наблюдая меня справа от себя, он может сесть.

Лишь после ближнего привода, Гаврюк выровнялся. Касание у него вышло жёсткое, но в пределах ограничений по прочности конструкции. Я же выпустил тормозной сразу после касания, а вот мой ведущий ещё бежал несколько сотен метров, прежде чем начать тормозить и за ним появился оранжево-белый купол. Остановился Валера в самом конце полосы.

– Выключаюсь. Скорую подгоните... сюда, – произнёс он в эфир.

Я как можно быстрее срулил с полосы на стоянку, чтобы иметь возможность добежать до самолёта напарника. Да не тут-то было! Мест свободных в Бокайды нынче немного. При первом взгляде на стоянку можно сделать вывод, что техники сюда нагнали – мама не горюй! Помимо местного полка истребителей МиГ-23 ещё и Су-17, вертолёты и пара Ил-76, которые загружаются техникой и личным составом прямо сейчас.

Несколько двадцать третьих уже запущены или рулят к полосе, чтобы уйти на задачу. Повернув голову на ВПП, я увидел, как отрывается пара этих самолётов, несмотря на стоящий в конце полосы самолёт Валеры.

По указанию руководителя полётами порулил я куда-то в район ТЭЧ. Остановили меня чёрт знает где. Быстро прибежать к Валере возможности не было.

Как только я выключил двигатель и вылез из кабины на влажный бетон стоянки, уже меня поджидала бригада технического состава.

– Чем помочь? – спросил у меня один из них. – Я инженер комплекса. На МиГ-21 раньше работал.

– Приветствую. Да у меня борт порядок. Остаток маленький только был. Напарника подбили слегка, – сказал я, пожимая инженеру руку. – Мне бы к нему попасть, – ткнул я пальцем в сторону торца ВПП, где вокруг борта Валеры собралось несколько машин.

– Там нечего делать. Откатят его всё равно сюда, чтоб я его смотрел и оценивал, – ответил мне инженер.

– Тогда мне нужно на КДП или в штаб. Сообщить своим, что мы сели у вас.

– Ооо, этого нет смысла делать! Вся дивизия уже в курсе, как вы геройствовали в горах. Говорят, над вершинами в сотне метров проходили, правда?

– Не знаю, дружище, – сказал я и стянул с головы шлем. – В темноте особо не видно.

Подшлемник пришлось выжимать от пота, а сама ДСка промокла насквозь. Вот что значит побывать в экстремальной ситуации. После приятных слов от технического состава, что все уже знают о нашем полёте, я даже загордился собой.

Когда снял перчатки, обнаружил, что руки слегка трясутся, и сил держать шлем почти нет. Ноги немного подкашивались, поэтому я просто присел на корточки, повернувшись к своему самолёту.

– Ну-с, хорошо поработали сегодня, – сказал я про себя и полностью опустился на бетон.

Техники бродили мимо меня, подтягивая шланги и осматривая мой МиГ. Я же просто балдел от того, как же здорово сидеть на этом мокром бетоне. Пускай меня, как и любого лётчика манит в небо, но всегда хочется возвращаться на землю. А после боя этого захотелось вдвойне.

За спиной раздался скрип тормозов УАЗика. Я встал с бетонки и посмотрел на приехавшего гостя. Ко мне подошёл одетый в полевую форму капитан, с весьма серьёзным видом и настроением отодрать меня за что-нибудь.

– Доклад! – рявкнул он.

– Виноват, – сказал я, не понимая цели и должности прибывшего военного. – Лейтенант Родин, лётчик двести тридцать шестого полка...

– Доклад о выполнении задачи, лейтенант! – продолжал на меня наезжать капитан.

– Вы кто, товарищ капитан? – переспросил я.

Осмотревшись по сторонам, я увидел реакцию от технического состава на приезд этого деятеля. Все очень быстро решили, заползли под самолёт и изображали бурную деятельность. Наверняка ко мне приехал представитель особого отдела.

– Лейтенант, вопросы задаю я. Доклад о выполнении поставленной задачи, – настойчиво, пытаюсь вбить в меня каждое слово, сказал капитан.

– Для начала мне необходимо подтвердить ваши полномочия, товарищ капитан. На каждом углу кричать о моих задачах я не имею права. Вы офицер и должны это понимать.

Он подошёл ко мне вплотную, тряся своими полными щеками, свисающими, словно кожа у собаки породы бассет-хаунд. В свете фонарей стоянки я смог разглядеть его злющие глаза.

– Живо в машину. Ко мне в кабинет поедете. Это приказ.

– Вам представиться сложно, товарищ капитан? Никуда я с вами не поеду, пока мне не скажете, кто вы.

– Капитан Пупов, особый отдел двадцать четвёртой дивизии, которой и подчиняется ваш треклятый полк. В машину, лейтенант, – сквозь зубы проговорил Пупов и пошёл к своему УАЗику.

– Очень приятно. Тогда я Лев Валерьянович Лещенко. Нашли дурака, который на слово поверит, – улыбнулся я. – Разрешите ваши документы, товарищ капитан особого отдела.

Со спины подошёл инженер, который встретил меня после посадки.

– С ним аккуратнее, парень. Он на голову немного ударенный, – шепнул он мне. – Особист это, с дивизии, я тебе говорю.

Отличная характеристика! Мало мне пулемётов духов на войне, так ещё и такие крендели присутствуют рядом со мной.

– Мои полномочия вам подтвердили, товарищ Родин? – спокойно спросил Пупов.

– Так точно.

– Тогда, живо в машину! – буквально крикнул на всю стоянку капитан.

И как с такими нервами и характером держат в особистах?! До этого момента я знал в этой жизни очень приличных людей с этой структуры. Выдержанные, грамотные и умеющие слушать. Этот же больше походит на бригадира в не самом хорошем колхозе, который постоянно в отстающих по сбору урожая.

Пока ехали, никто не произносил ни единого слова. Пупов пыхтел и периодически прокашливался, пытаюсь играть у меня на нервах. Чем же я его так заинтересовал, что вытянуть меня нужно было прямо со стоянки.

Кабинет у этого особиста, как мне показалось, временный. Поскольку не может он находиться в здании высотного снаряжения. Наверняка Пупов откомандирован на время операции в Бокайды, а сам он решил выбрать себе более удобное место для контроля за обстановкой. Ближе к гуще событий.

Рядом с кабинетом уже сидели двое лётчиков. По взъерошенным волосам и усталому виду я понял, что они тоже, как и я, буквально из кабины.

– Здесь сидеть, – махнул он на скамейку напротив обшарпанной двери.

Вот это мне совсем не понравилось. Если он сам и похож на пса, то я точно не в родне с ним.

– Я вам не собака, товарищ капитан, – спокойно сказал я, здороваясь со своими коллегами за руку.

Пупов повернулся ко мне и ехидно заулыбался.

– А это мы сейчас и посмотрим, кто вы и что. Ждите вызова, Родин, – сказал особист и вошёл в свой кабинет, громко хлопнув дверью.

Поговорив с ребятами, я уяснил для себя, что сегодняшняя ночь была не самая успешная в плане результатов проведения операции по уничтожению духов.

– Наших целей вообще в районе не оказалось. Не знаю, куда бомбы сошли, – рассказывал мне один из лётчиков, оказавшийся командиром звена на Су-17М2 из полка в Зары.

– А у нас почти всё мимо. Раз зашли, а ПАНовец отбой даёт. Мол, слишком близко к своим. И «сварка» строчит со всех сторон, – делился своей историей второй лётчик из местного полка МиГ-23.

Чтобы передовой авианаводчик или сокращённо ПАН, дал отмену работы по цели, должна быть причина. Это либо очень сильно промахнулся лётчик с выходом на цель, либо сам ПАН неверно рассчитал. В принципе, может быть всё, что угодно.

Свои впечатления я рассказал вкратце, и парни похвалили меня, и заочно Валеру, за храбрость.

– В вашем, двести тридцать шестом, я слышал, что все безбашенные. В хорошем смысле. Начальство вас и не жалует, поскольку проявляете себя, а командир ваш может кого-нибудь потеснить в дивизии.

Сомневаюсь, что именно этим обусловлено внимание ко мне особиста. Пока с ним не поговорю, всё равно не узнаю. Да и не страшнее Пупов духов. Обычный «бесконтактный» боец.

– Родин, заходите, – вышел из кабинета молодой лейтенант и подошёл ко мне. – Начальник особого отдела Бокайдского полка, лейтенант Борькин, – поздоровался он со мной.

– Лейтенант Родин.

– Да, да. Знаю. Идите на беседу, – сказал Борькин, достал сигарету и направился на улицу.

В кабинете свет был выключен, а единственным источником, освещавшим рабочий стол Пупова, была лампа. Ощущаю себя на допросе каком-то. И интерьер, как в страшилках про чекистов – стол с зелёным сукном, серый сейф, шкаф с папками дел и портрет Феликса, он же «Железный», он же Дзержинский рядом с фотографией Леонида Ильича.

– Садитесь, Родин, – не отрываясь от бумаг, сказал Пупов.

– Сел, – ответил я, приземлившись на стул перед ним.

– Вы опять дерзите мне?! – хлопнул по столу Пупов.

– Товарищ капитан, давайте уже общаться. У вас какие-то ко мне вопросы?

– Много и не все сразу. И первый у меня будет таким, – сказал Пупов, нагнувшись ко мне через стол:– Почему вы нарушили приказ командования?

Глава 3

Ну, вот и началось! Сейчас припишут мне и нарушение субординации со старшим по званию, и нарушение формы одежды где-нибудь найдут, и убийство Кеннеди повесят на меня.

Что ему сказать? Мы просто забили на приказ, товарищ капитан, и прикрыли своих товарищей от ударов духов. Признание чистосердечное и откровенное. Правда, тогда под удар сразу попадёт Валера. Он давал мне указания на канале управления, и это стало известно всем.

Тогда можно косить под дурачка и ждать, когда у Пупова сядет батарейка или чайник взорвётся от моей тупости. В любом случае молчать нельзя.

– О каком нарушении приказа, товарищ капитан, вы говорите?

– Вам была поставлена задача вернуться на аэродром, а не заниматься самодеятельностью, – тыкал в меня пальцем особист. – Почему начали наносить удары вразрез с приказом командного пункта?

– Авианаводчик просил помощи, и мы нанесли удар по позициям духов...

– С чего вы решили, что эту команду вам давал авианаводчик? И как вы определили месторасположение духов? – взял в руки карандаш Пупов.

По запаху определили, щекастый! Ему объяснять сейчас весь алгоритм, которым мы руководствовались?

– Товарищ сотрудник особого отдела, насколько я понял, цели поражены, противник уничтожен, наши войска отбили атаки и продержались до подхода основных сил. К нам какие претензии?

– А я тебе сейчас, Родин, скажу, – достал Пупов из стола пепельницу и пачку сигарет. – Приказ ты нарушил, куда вы там попали – это ещё нужно выяснить, ведомый твой ранен. Кстати, может быть, это ты случайно в него попал, когда наносил удар из пушки?

Так и хочется спеть песенку про фантазёра. И как у него так работают извилины, что он такие вопросы придумывает?

– Попали мы точно в цель. Авианаводчик это подтверждает...

– А если он погиб? Кто подтвердит?

– А вы разве не знаете, что есть специально обученные люди, которые проведут доразведку результатов удара? – задал я риторический вопрос.

– Знаю. Но ваш рейд с капитаном Гаврюком скрыл все следы поражения противника.

Конечно, Пупов знает, что после основной ударной группы на цель всегда выходит группа доразведки и подтверждения результатов боевого применения.

Возможно, в чем-то он и прав. За нами должны были подойти разведчики Су-17МЗР, а именно разведывательные самолёты для фотографирования местности. Но в эфире, я их не слышал. Может, шли в режиме радиомолчания?

– Наш рейд был направлен только на оказание помощи...

– Такие неблагонадёжные как вы, Родин, всегда так говорят. А если ваши благие намерения были не чем иным, как способом скрыть неудачную операцию вашего полка?

Ух как начал загибать Пупов! Под Томина начнёт сейчас копать.

– Давай на тебя ещё взглянем, – сказал капитан и пошёл к шкафу с делами.

Медленно этот короткостриженный пухляш искал там интересующую его папку. На нервы, что ли, давит мои? Мол, время даёт подумать, нагнетает обстановку и сейчас как выдаст на меня такой компромат, что мне останется либо с ним сотрудничать, либо из табельного за капониром застрелиться.

Пётр Петрович достал интересующую его папку и вернулся к столу.

– И как ты думаешь, товарищ Родин, что тут написано? – похлопал он по красной папке.

Меня этот капитан за кого держит? Я должен поверить, что у него, офицера особого отдела дивизии есть на какого-то лейтенанта из полка в Осмоне целая папка? Или наш полковой кадровик Трефилыч успел привезти сюда все личные дела лётчиков, пока мы летели? За такого крупного идиота меня ещё не принимали.

– Это моё личное дело. Наверное, – попробовал я изо всех сил сделать самый невинный и глупый вид, какой только возможен в этой ситуации. – Вся информация обо мне.

Особист встал со своего места и подошёл со стулом ко мне поближе, сев справа. Вид у него был очень довольный. Я бы сказал, он просто умолял дать ему в морду.

– Нет, не личное дело. Такие документы хранят кадры. Или ты не знал этого?

Не так он и глуп, как мне показалось на первый взгляд. Может, Пупов уже догадывается, что я просто кошу под дурака?

– Как видишь, Сергей, всё у меня на всех записано. И мне жалко, если в начале своей офицерской службы ты заработаешь себе клеймо по нашей линии.

– Так... а как... – как можно убедительнее, я изображал шок.

– Вот так, Родин. Вот именно так, – вздохнул Пупов, и нагнулся ко мне ближе, переходя на шёпот:– Сергей Сергеевич, вы молодой парень. Всё ещё впереди. Зачем вам связываться с такими антикоммунистическими элементами, как Томин, Гаврюк, Буянов? – сказал капитан, стряхивая пепел прямо на пол. – На них давно у меня папочка особая красная собрана, – подмигнул он мне.

– Что, на каждого? – сказал я удивлённым тоном, пытаюсь выглядеть как можно более убедительным в своём вранье.

– Ещё бы. На Томина даже две. Могу показать.

Ага, покажет он свои служебные документы! В очередной раз из меня пытаются сделать стукача. Теперь ещё и требуют оклеветать своих командиров.

– Нет, спасибо. Я вам верю, – замахал я руками.

– Перестань под дурака косить, Родин! – воскликнул Пупов. – Думаешь, я не вижу, как ты извиваешься.

М-да, он точно не глуп, но легенду нужно соблюдать.

– Не хочу я, чтобы ты свою жизнь портил. Из армии попрут, а там сядешь на стакан, если не найдёшь работу. Сопьёшься и все вытекающие из этого последствия. Оно тебе надо?

Ох, и с козырей пошёл, чекист! Уже рисует мне мрачные перспективы, ничем их не подкрепляя. Осталось только мне согласиться, и он изложит весь свой план.

– Не надо, товарищ капитан, – ответил я.

– Ну вот. Давай, мы с тобой напишем одну небольшую бумагу. Ты там только распиши, как всё было. Если сомневаешься, я тебе подскажу, как написать.

– Мне казалось, что особые отделы уже не работают в таком ключе. Показания вроде не выбивают.

– Ты за кого меня принимаешь? – поправил он мне воротник ДСки, в которой уже становилось жарко в помещении. – На дворе не тридцать девятый год. Никакого насилия. Или ты думал, сейчас я тебе надиктую, что написать, а потом и крестик поставлю за тебя?

Конечно, нет! Второй раз из меня идиота делает за пять минут. Сначала предложил помощь в написании, а теперь честность свою показывает.

– Ладно, что вам написать.

– Отлично, – хлопнул в ладоши Пупов, предвкушая моё с ним сотрудничество, и пошёл опять за стол.

Сейчас даст подписать бумагу или скажет описать всё, как было. Только с небольшими уточнениями в его редакции.

Пупов вернулся на своё место и достал из тумбы чистый лист бумаги.

– Давай, Сергей. Пиши.

– С самого начала?

– Абсолютно. Подробное описание.

Ух, есть теперь, где мне разгуляться! Сочинение о том, как я провёл свой первый боевой вылет Пупову должно понравиться.

Время шло, а я всё писал и писал. Пупов сначала был радостным, но по прошествии десяти минут он стал посматривать в бумагу. А их уже набралось три.

– Родин тебе ещё долго? – спросил Пупов, выкуривая уже третью сигарету.

– Товарищ капитан, всё описываю, как было. Все нарушения должны быть известны командованию.

– Само собой. Но ты поторопись, повозможности.

Очень тороплюсь! Бегу и волосы назад! Строчу, как струйный принтер. Вот как раз заканчиваю момент с прибытием на предполётные указания утром.

Как и просил Пупов, начал я описывать все подробности сегодняшнего дня. А начался он с плановых полётов, между прочим. Вот я и пишу, фактически выдержки из Наставления по производству полётов НПП.

Написание моего «творчества» прервал приход гостя. Правда, не думаю, что в кабинет к особисту ходят погостить.

– Пётр Петрович, чем занимаешься, – спокойно спросил вошедший офицер. И кажется, этот спокойный голос мне знаком.

Пупов несколько задёргался на своём стуле. Без стука в кабинет мог войти только старший по званию и должности.

К столу подошёл человек в песочном лётном комбинезоне, перед которым я решил встать и представиться. Как-никак, а ведь старый знакомый, майор Поляков – особист Белогорского училища.

– Знаю, что ты Родин. Как себя чувствуешь после полёта? – спросил Михаил Вячеславович, похлопав меня по плечу.

– Всё хорошо. Спасибо.

– Пётр Петрович, а чем вас Родин заинтересовал? – всё также спокойно спросил Поляков у Пупова, забирая со стола мой рапорт. – Ах, да... я сам с ним побеседую, а вы пока на КП сходите.

– Понял вас, – кивнул Пупов и быстро вышел из кабинета.

А что, так можно было? Слишком как-то просто всё. Может, у меня сегодня удачный день и меня обойдёт стороной внимание особистов.

– Садись, Сергей Сергеевич. Как ты уже понял, теперь и я в ТуркВО, – сказал Поляков, присаживаясь на место Пупова.

– И как вам здесь, товарищ майор?

– Подполковник, – поправил он меня. – Быть начальником особого отдела воюющей дивизии гораздо интереснее, чем в училище. Ну, ты это и так понял, раз пообщался с товарищем Пуповым, – улыбнулся Поляков, складывая пополам мои листы.

– Он не так глуп, как кажется.

– Представь себе, я это заметил, – сказал Михаил Вячеславович и сложил листы ещё раз пополам. – Есть ко мне вопросы, Сергей Сергеевич?

Поляков взял ножницы и разрезал на несколько частей листы. Затем сложил их в стопочку и положил в карман.

– Вам черновиков не хватает, что вы мой рапорт решили порезать?

– Я бы не называл рапортом перечисление основных положений Наставления по производству полётов. Если Пупов в этом не разбирается, то я это заметил сразу.

Приятно разговаривать с грамотным человеком. Да только теперь нужно понять, что от меня хотят особысты. Поляков в училище мне казался адекватным человеком, особенно после случая Лёшей Баля. Возможно, и здесь он разберётся по уму.

– Там написано, всё, как и было в действительности.

– А до описания самого нанесения удара ты бы дошёл к утру.

– Возможно.

– Эх, Родин, – помотал головой Поляков. – Иди, герой. Но приказы, запомни, надо выполнять, – протянул он мне руку, которую я с великим удовольствием пожал.

– А ещё, Михаил Вячеславович, своих тоже не надо бросать, – сказал я и пошёл к двери, но в последний момент повернулся. – И что, в этот раз не будет привета от Краснова?

Поляков весело заулыбался и махнул рукой.

– Всего хорошего! – сказал он, и я вышел из кабинета.

У Валеры, оказалось, произошла разгерметизация кабины, и было повреждено продольное управление самолётом. Вот он с ним и боролся весь полёт до посадки.

Также, от попаданий ДШК повреждено было кислородное оборудование. Он не мог нормально управлять, поскольку ему было тяжело дышать. Стало проще, когда пересекли изгиб Амударьи.

Прибавить к этому стоит почти полную выработку топлива на его борту, разрушенный пневматик, повреждения лопаток в двигателе и дырявый, как решето, фюзеляж. И получаем выведенный из строя самолёт. Месяц, а то и больше не придётся ему летать.

События боя решили с Гаврюком не обсуждать. Оставили это на потом. Тем более, что по прилёте нас сразу же допросят по фактам воздействия по противнику.

Утром следующего дня Валера отправился домой на вертолёт, который привёз группу техников для восстановления нашего самолёта. А мне предстояло продолжить путь в Осмон на своём борту.

Моя СМка была в полном порядке. Пара царапин от пулемётов и стрелкового оружия, но совершенно не влияющих на лётные характеристики. Так что, после завтрака я отправился прямиком к диспетчеру, узнать, есть ли мне «добро» на вылет.

Получив условия на выход из района Бокайды, меня в командирском УАЗе по просьбе Томина, доставили к самолёту. Как мне кажется, для молодого лейтенанта слишком «большая честь», но командирам виднее.

Борт осмотрел, занял место в кабине и начал запускаться. Аэродром в это время продолжал гудеть. Всё ездило, ходило, взлетало и садилось. Сразу видно, что идут активные боевые действия, к которым привлекались и лётчики местного полка.

Прошло ещё немного времени, и вот уже я прохожу слегка припорошенные снегом вершины Туркестанского хребта. АРК уже отрабатывает на мой аэродром, и скоро я буду касаться полосы. Пускай полёт слегка затянулся, вернуться получилось не сразу, но задача выполнена.

Валерий Алексеевич решил не откладывать в долгий ящик общение с нами, и вызвал к себе сразу после моей посадки. Гаврюк прибыл немного раньше и успел узнать обстановку.

– Разрешите, товарищ командир? – спросил разрешения войти в кабинет за нас двоих Валера.

– Проходите. С прибытием, ребя, – уставшим голосом произнёс Томин, который вышел к нам в футболке, песочных штанах лётного комбинезона и домашних тапочках. – Как добрались? – пожал он нам руки и вернулся на своё место, не давая разрешения сесть.

В кабинете играло радио. Иосиф Кобзон распевал знаменитую песню о начале боя, а на столе у командира дымилась сигарета и кофе в белой кружке в красный горошек.

– Всё хорошо. Быстро и без происшествий, – молодежато доложил Валера.

– Хорошо. Вот пока вы стоите, закроем вопрос с вами по вчерашним событиям, – сказал Томин, отпил кофе и поднялся на ноги.

Первая мысль, что уже собираются нас поощрить. Я готов и в такой обстановке награду принять. Пускай это даже будет «большое командирское спасибо».

– Теперь слушайте сюда, – тихо сказал Томин, набирая в грудь воздуха. – Вы, Чапаевские наследники, сынки Чкалова и маэстро Титаренко, страх потеряли? – громко сказал он.

На этом, можно сказать, приятная и спокойная атмосфера в кабинете у Томина закончилась. В ход пошло «гиперзвуковое оружие», превышающее все децибелы, которые может достичь командир в своих репликах.

И вот именно в них нам место и не нашлось. Точнее, мы там присутствовали, но не в качестве существа разумного.

Нас с Валерой приписали к микробам, грызунам, парнокопытным животным и другим существам, не имеющих пола и рода. Всё это в сочетании с отглагольными прилагательными матерного рода, а также глаголами в категории восемнадцать плюс.

– Надеюсь, вы меня поняли, ребя? – спросил командир, тыча мне в лицо мухобойкой.

– Так точно, – хором сказали мы.

– А теперь поговорим о том, что вы пропустили, пока вас не было, – сказал Томин, махнув нам, чтобы мы сели за переговорный стол. – У нас есть две недели, чтобы подготовиться к перебазированию в Афганистан.

Глава 4

Всего одно утро пропустили в полку, а уже такая новость. Я даже забыл о том, что хотел командиру рассказать о своём общении с дивизионным особым отделом.

– Чего глазами хлопаем? Идите отдыхать, а завтра на постановку на полёты. Начнём готовиться, – сказал Томин, поставив под стол мухобойку и достав какие-то бумаги из рабочей папки.

– Так... это... товарищ командир, а почему так рано? – спросил Валера. – Там уже есть истребители? Куда ещё?

– Гаврюк, вот всё, что ты спросил у меня, можешь спросить у комдива. Он тебя пошлёт, а потом скажет обратиться выше. Тебя и там пошлют, а потом пойдёшь дальше наверх спрашивать. Устраивает тебя такая перспектива?

– Я всё понял, Валерий Алексеевич.

– Вот и хорошо, тёзка, – сказал Томин и отложил в сторону бумаги. – Не вы первые задаёте такой вопрос. Я сам не знаю, почему. Наверняка того состава, что находится в Афганистане, не хватает для решения задач.

Прав командир. Если верить истории, изначально в Афганистане думали управиться быстро и потом вывести войска, когда работа по наведению порядка будет выполнена. Да только всё оказалось сложнее.

Партизанская война духов, которых готовили, в том числе пакистанские и британские инструктора, будет вестись ещё очень долго. А британцы по части диверсий, ударов в спину, умению нагадить и провоцировать, впереди планеты всей уже давно.

– Так, вы ещё здесь? Отдыхать и завтра на работу, – указал в сторону двери командир, и мы не смели больше задерживаться в его кабинете. – Родин, останься на минутку.

А я ждал этого! Не сомневаюсь, что сейчас мы с Валерием Алексеевичем поговорим по поводу моей «чудесной» беседы с Пуповым и неожиданной встречи с Поляковым.

– Слушаю, товарищ командир, – сказал я, подойдя ближе к столу.

– Догадываешься, почему задержал тебя? – спокойным голосом спросил Томин, когда Валера захлопнул дверь.

– Есть пара вариантов.

– Тогда начну с твоей встречи с особистами. Заставлять рассказывать тебя я не имею права. Однако мы с тобой в одном коллективе находимся и скоро снова полетим на задание. Мне бы хотелось, чтобы я мог тебе доверять полностью.

– Доверять вы мне можете, товарищ командир. Особый отдел интересовался нашей с Гаврюком атакой...

– Это я уже с вами обсудил и высказал всё, что по этому поводу думаю, – сказал Томин, пристально посмотрев на меня.

Тогда чего меня спрашивать? В остальном, никаких особых моментов в разговоре с Пуповым я не заметил. Разве только...

– Товарищ полковник, смею предположить, что где-то вы не нравитесь товарищу Пупову. Зуб он на вас точит сильный...

– Да я его знать не знал, пока ты с ними не поговорил, – сказал Томин и встал со своего места. – Двести тридцать шестой полк мало кто жалуется, поскольку работаем мы много. И времени у нас на комиссии нет с их тетрадками и бумажками. Вот и пытаются нагадить со всех сторон.

– Понятно, – сказал я.

– Чего понятно? – опешил Валерий Алексеевич. – Работать надо, а не уши распускать у меня здесь. Кругом и отдыхать, Родин.

То работать, то отдыхать – не поймёшь этих начальников! Сами не знают, чего хотят.

– Ой! Что вы себе позволяете? – вскрикнула девушка, которую я чуть было, не опрокинул на пол.

Товарищ Вещевая стояла в пикантной позе прямо за углом в коридоре. Оттого и наскочил на неё сзади жеребец вроде меня. Жаль, не успел рассмотреть получше вид сзади Оленьки Онуфриевны.

За размышлениями о сказанных словах Томина, я не заметил её наклон и сшиб с ног в коридоре. Создание, в погонах лейтенанта медицинской службы, полетела носом вперёд.

Не разбила бы только свой вездесущий и миниатюрный прибор для обоняния.

– Перестаньте... меня хватать, – отталкивала меня Вещевая, когда я помогал ей подняться и оттряхивал её от пыли.

– Я прошу прощения, Ольга Онуфриевна, но вы та-а-ак остановились, что я не мог пройти мимо, – попытался я её поддёрнуть, поднимая с пола серебристую серёжку.

– Конечно, кобель, да и только! Мимо девичьей задницы пройти не может, – ответила она, поправляя воротник рубашки.

Естественно! Особенно мимо такой-то задницы! На её правом ухе отсутствует одна серёжка, которую я, похоже, держу сейчас в руке.

И ведь будет отпираться, что не потеряла.

– А вы чего там потеряли? Серёжку, небось? – спросил я, готовясь протянуть ей потерянную драгоценность.

– Нет, у меня... шнурки развязались, – волнуясь, соврала Ольга, касаясь правой мочки уха своими аккуратными пальчиками.

Хм, а наш Вещий Олег, похоже, посетил маникюрщицу! Ноготочки аккуратные и покрашены светлым лаком. Симпатично смотрятся.

– Никогда не думал, что на женских туфлях есть шнурки, – сказал я, кивнув на ноги Вещевой, которые были обуты в чёрные туфли на низком каблуке. – Вот ваша серёжка.

Отдав Ольге её вещь, я пошёл дальше, чувствуя на себе виноватый взгляд красавицы. Эх, намучается кто-то с ней.

– Сергей... Сергеевич! – позвала меня Ольга.

– Да, слушаю вас, – медленно повернулся я, когда Вещевая подходила ко мне ближе.

Ну, вот и молодец! Сейчас наша сестра милосердия должна сказать, что была не права. Мол, прости, Серёжа, и давай поужинаем в нашем общежитии. Романтический стол со свечами на кухне, макаронами-рожками из красно-белой коробки и молочными сосисками. Хотя, нет! Мне больше по душе сардельки.

– Вы... вы углублённый медосмотр не прошли. Если завтра не пройдёте, буду...

Вот только скажи «это», и я тебя убью, Айболит в юбке!

– Если не пройдёте, то я... я вас отстраню от полётов, – быстро протараторила она окончание фразы и заспешила вперёд по коридору.

М-да, зато задницау неё – огонь!

В общаге первым делом я принял душ и планировал лечь поспать. Да только как тут отдохнёшь, если за стенкой кураж-бомбей с самого утра.

Ритмы Битлз и Антонова, звон стаканов и танцы – знатное застолье там идёт. После нескольких минут безуспешных попыток уснуть, решил прибегнуть к самому лучшему снотворному в авиации – чтению учебника по аэродинамике.

Не заметил, как провалился в сон. Палящее солнце сверху, а под крылом снега горных хребтов. Мой самолёт прекрасно себя ведёт в простейших условиях и ничто не может нарушить этой безмятежности.

Сильный удар в правый бок и вот всё закрутилось. В кабине дым, а я не слышу самого себя. В ушах только сирена, а над головой пронёсся чёрный самолёт...

Проснулся я от громкого стука в дверь. За окном уже темно, а на часах девять вечера. Соседи по-прежнему на волне радости и не знают печали.

К чему был этот сон? Причём здесь какой-то самолёт.

– Серый, я долго буду ждать? – кричал Марик пьяным басом, колотя в дверь.

Не самый желанный гость, но не открывать тоже нельзя.

– Чего тебе? – спросил я, открыв дверь.

– Поговорить хочу... ик, – еле стоял на ногах Барсов. – Ты чё, такой... ик... крутой, что сразу духов с пушки расстрелял?

– Так уж сложилось. У тебя всё?

– Не-е-ет! – крикнул он. —Я...я более перс... пекперс... венте...

Сомневаюсь, что в таком состоянии он сможет сказать слово «перспективен».

– Я более хорош. А ты лишь сосунок..., – сказал Марик и припал к стене.

– У тебя всё? – спросил я.

– Нет, мы ещё... не договорили!

Разговаривать дальше не было смысла. Я перекинул руку Марика поверх своей шеи и довёл это пьяное тело до его комнаты. Там по-прежнему был праздник. Трое мужиков рассуждали о проблемах с женщинами и о пути коммунизма. Очень схожие темы, хочу заметить.

– Чего празднуете? – спросил я. – Новый год через неделю только, – продолжил я, но никто из собравшихся в нашу сторону не посмотрел.

– А ты кто? – крикнул мне лысый парень в грязной майке и серых семейках.

– Я вам пять секунд даю, чтобы не объяснять. Живо отсюда!

Ну, хоть здесь силу не пришлось применять. Уложил Марика на кровать, и когда был уже возле двери, Барсов слегка очухался.

– Я всё равно лучше тебя... ик. Ты конченный. Так комэска... ик... сказал.

Пьяному сейчас ничего не объяснишь. С утра он даже и не вспомнит, кто его притащил в комнату.

На следующий день после постановки задач, Гнётов, исполнявший сегодня обязанности комэски, строго указал мне пойти в санчасть и пройти УМО.

– Родин, чего боимся идти-то? Какие-то проблемы со здоровьем? – спросил он, вызвав меня к себе в кабинет.

– Никак нет. Я сам не знал, что мне нужно проходить УМО именно сейчас. Только с училища пришёл и опять?

– Мы неизвестно, насколько в Афган перебазировемся, а выйдет медицина у тебя и где ты там её будешь проходить?

Я почему-то думал, что на войне такие мелочи опускаются. Ошибался.

– Разрешите идти? – спросил я.

– погоди, – сказал Гнётов и достал какой-то лист из ящика в столе. – С дивизии командиру полка, сказали, написать список отличившихся во время операции. Буянов предложил вас с Гаврюком. Не против?

– А кто был бы против? – улыбнулся я.

– Само собой, что никто. Я предложил тебя наградить медалью «За боевые заслуги». Как ты к этому отнесёшься?

– Большая честь, товарищ капитан.

И правда – как ещё отнестись к тому факту, что тебя представляют к награждению государственной наградой?

– Иди. Будем тебя представлять.

Интересно, если мне столь высокую дают награду, что тогда ожидает Валеру? Может, к званию Героя Советского Союза представят? Но это вряд ли. А вот если в самом Афгане что-нибудь с ним сделаем, вот тогда точно дадут.

Хотя, по мне так лучше бы войны не было.

Санчасть нашего полка – это небольшое двухэтажное здание с облупленными стенами и подгнившими окнами. А вот внутри – образец чистоты и порядка. Растительности в горшках столько, что кислорода, как мне кажется, здесь больше, чем на улице. Красочные плакаты, нарисованные от руки, вещают о вреде курения, употребления алкоголя, пользе закаливания и занятий спортом. Особое место уделялось прививкам от всего, чего только можно. Даже отдельный вход был с улицы в прививочный кабинет.

Второй этаж выделен под лазарет, а на первом расположены кабинеты врачей. Здесь же обитает Склифосовский нашего полка – Ольга Вещевая.

По рассказам фельдшеров и врачей, Ольга Онуфриевна очень тщательно следит за здоровьем военнослужащих полка, чистотой помещений санчасти и регулярностью прививок.

Вот и сейчас, она объясняет двоим лётчикам, насколько необходимо и важно делать вакцинацию.

– Оленька Онуфриевна, всё у нас сделано. Вот, и штампики стоят, – показывал один из них Вещевой книжку с прививками.

– Мальчишки! Ну детский сад! – негодовала Ольга, покачивая головой. – Меня не проведёшь. Я видела, как вы сбежали. Буду вынуждена доложить командиру вашей эскадрильи. Вы из какой, кстати?

Ага, так они тебе и сказали, принцесса!

– Сестрица! Ты что, издеваешься? – улыбался второй. – Вот книжки с отметками.

– Мне нужен номер вашей эскадрильи, – настойчиво повторила Ольга, но парни только махнули на неё рукой.

– Записывай, номер четыре.

– Пишу... стоп, а такой нет, – удивилась Ольга. – Зачем же вы... обманываете? – чуть уже не плача говорила Вещевая, но парни всё улыбались.

– Оленька Онуфриевна, ну идите. Хотя, давайте, мы вам прямо тут наши попы покажем, и вы проверите сами, – сказал один из них и оба заржали, словно кони.

Надо выручать девчонку. Я парней понимаю, но даму в обиду дать не могу.

– Здорово, ребят! – поприветствовал я их.

– Серёга! Как сам? Поздравляю с первым боевым.

– И ещё каким! Хорошо вы с Валерой Гаврюком с пушки постреляли.

– Всё, как учили, – сказал я. – Ольга Онуфриевна, я бы вам хотел сказать спасибо, – подмигнул я Вещевой, но она посмотрела на меня непонимающе, и отошла к регистратуре.

Ребята тоже не поняли этой благодарности. Типа, за что можно благодарить нашего противного начмеда?

– Серый, а ты чего такой благодарный? – шепнул мне один из ребят. – Колись, ночку провёл с врачихой?

– И как она? – спросил второй.

– Да она-то хорошенькая, только у нас с ней ничего. Короче, мужики. Прививка реально помогает. Я тут недавно однокашника встретил, так он какой-то заразой переболел. Тоже не ставил прививки. А теперь всё, – печально вздохнул я.

– Что, всё? Умер?

– Ну не ври, Серый?! Сейчас ещё скажи от гриппа он «кони двинул»? – махнул второй руками.

– Да хуже! Больше не жеребец. Время застыло на полшестого и всё. Так что, хорошо, что послушал Ольгу. Первый раз врачам благодарен.

Парни переглянулись и решили не мухлевать, как я понял. Очень быстро отправились в прививочный кабинет.

– Зачем вы врётё? – подошла ко мне со спины Ольга. – Они должны сами понимать, какую опасность представляют эти болезни, – учительским тоном сказала она.

Ну что с ней будешь делать? Не ценит она мою помощь и всё тут.

– Ольга Онуфриевна, я готов УМО проходить. Не подскажите, где?

–Идёте. Начнёте с ЭКГ.

Зачем на УМО мне делать кардиограмму? Обычно её снимают на врачебно-лётной комиссии ВЛК. А тут рядовой осмотр, пускай и углублённый.

В кабинете функциональной диагностики была только старушка Алла Кузьминична, которая ещё Белку со Стрелкой в космос отправляла. А если кроме шуток, то Кузьминична по рассказам лётчиков в полку, мировая тётка. Знает, как тебе повернуться, чтобы зубцы на кардиограмме были правильные, брадикардии и прочих синусоид ненужных не было. Многих она так оставила в небе летать.

– Ой, Серёжа! Устал, да? – спрашивала она, когда я лежал на кушетке, обложенный присосками и контактами на руках и ногах.

– Есть немного.

– Слушай, ну тебе надо по ночам спать. Вон, какая кардиограмма не очень.

Поспишь тут! Сегодня не мог уснуть, поскольку вспоминал полёт в горы и представлял, как я буду лететь над белоснежными вершинами Гиндукуша. И такой полёт заканчивался попаданием в меня ракеты.

– Ну вот, зубец... не подымается, – разочарованно вздыхала Кузьминична.

Пришла беда, откуда не ждали. Сейчас ещё УМО не пройду, и отправят на стационар проходить всех врачей в Ташкентский госпиталь. Соответственно, Афган накрывается медным тазом.

– Алла Кузьминична, что там с Родиным? Его невропатолог заждался, – вошла в кабинет Вещевая.

Сейчас Оленька была очень привлекательная в белом халате и тёмных колготках. Ножки стройные, так и просят, чтобы к ним прикоснулись. А халатик слегка расстёгнут, и под ним нет рубашки, блузки или чего бы то ещё. Просвечиваются контуры лифчика, прикрывающего грудь. Ох, Серёга, давно же ты без женской ласки!

Кузьминична обрисовала начмеду всю ситуацию, и я этому был не рад совершенно. Ну точно теперь госпиталь обеспечен! Вещевая сейчас панику подымет, что не годен к полётам и всё такое.

– Зубец... пульс... амплитуда. Всё лежит и надо как-то поднять, – смотрела на экран Ольга, изучая мой сердечный ритм.

Не стал я рассматривать дальше её фигурку. Решил отвлечься от мыслей ниже пояса, уставившись в потолок.

– Вот и я так подумала, Оленька, – сказала Кузьминична. – А что я с ним сделаю?

– Так. А я думаю, что проблема вся в контактах, которые отошли, – сказала Ольга.

Пока я смотрел в потолок, Вещевая подошла ко мне очень близко. Специально или нет, но её бедро нежно прикоснулось к моей ладони.

Склонившись надо мной, она принялась поправлять контакты. А в это время я залюбовался видом её груди, очертания которой показались передо мной. Даже родинку смог разглядеть! Конечно, после таких видов у меня не только зубец поднимется!

– О, как хорошо! – воскликнула Кузьминична. – Оленька, а ты в ногах ещё поправь контакты.

– Сейчас, – ответила Вещевая, и потянулась к моей ноге, развернувшись пятой точкой.

Халат задрался, открыв вид на стройные ножки. Стоит мне чуток опустить голову ниже, и я смогу рассмотреть цвет её трусов. Блин, Родин! Приди в себя! О чём ты только думаешь!

– Вот-вот! В контактах вся проблема была, оказывается, – сделала вывод Кузьминична. – А на груди. Там смочить нужно ещё.

Ну, это вообще перебор! Мой «зубец» выйдет за пределы нормы кардиограммы.

Когда Вещевая касалась своими нежными пальчиками моей голой груди, невольно представляешь себе продолжение таких предварительных ласк. Вроде и ничего не происходит, а приятно.

– Всё поправила, Кузьминична, – сказала Ольга. – Получилась кардиограмма? – спросила она, рассматривая распечатку.

– Конечно. Сейчас опишу и терапевту отнесу.

– Хорошо. А вам, Родин, ещё невропатолога и стоматолога пройти, – напомнила мне Вещевая и вышла из кабинета.

После небольшой паузы я принялся собираться. Кузьминична обвела меня взглядом, остановившись ниже пояса, и решила сделать свой вывод по всему произошедшему здесь.

– Милоч, девушку тебе надо. Иначе, «зубец» так и будет... лежать.

Глава 5

Погода в день полётов предрасполагала к тому, что сегодня будет очень жарко в небе. Гаврюк вместе с Гнётовым запланировали мне полёты на ближний манёвренный воздушный бой.

Пускай в небе Афганистана мне вряд ли придётся столкнуться с истребителями противника, поскольку у моджахедов их просто нет, но также и нет других заданий в курсе боевой подготовки, наполненных большим количеством адреналина.

Пока мы шли с Валерой по стоянке, продолжали дискутировать на тему теории воздушного боя. Кое в чём наши мнения совпали.

– Помнишь формулу? – спросил Валера, когда мы остановились у моего самолёта.

– Конечно. Формула Покрышкина – высота, скорость, манёвр. У меня всегда должно быть преимущество в этих компонентах, – сказал я, надевая на голову шлем.

В этот момент над полосой прошло звено из нашей эскадрильи. Красиво со стороны наблюдать на такие групповые полёты. Но самое эффектное, это когда вся группа начинает распускаться.

Экипажи начали по очереди отходить от основной группы, изображая в воздухе подобие цветка, чьи листья распускаются в разные стороны.

– Не-а, не то, – сказал Валера, посмотрев на крайний этап этого полёта. – Ведущий слегка затянул с роспуском. Надо было прям над КТА делать.

– И так хорошо получилось, – сказал я, прицепляя на шею ларингофон. – Я уяснил, что буду делать во время боя.

– Вот и хорошо. Подыгрывать тебе Гнётов будет. Готов Максими́ча погонять? – улыбнулся Гаврюк, поправляя мне подвесную.

Конечно, готов! Погоняться в учебном бою с замом комэски очень даже интересно.

Мой самолёт был запущен, и, пока я ждал готовности Гнётова, смотрел на то, как другие уже отрываются от полосы, уносясь в серые облака.

– Сто девятый, готов? – запросил меня Гнётов.

– Готов.

– Выруливаем. Я первый, ты за мной, – сказал Максими́ч и запросил руление у руководителя полётами.

Пока двигались, я настраивал прицел для работы в ближнем манёвренном бою. На панели управления установил режим «Гиро» и дальность триста метров.

Что-то мне показалось, как будто помигивали лампы на прицеле. Не должно быть так. Пришлось перестроить в режим СС, внося поправку. Теперь будет несколько сложнее ловить в прицел свою цель.

Взлетели на интервале двух минут друг от друга, и таким вот разомкнутым строем вышли в район третьей зоны.

– Готов к работе? – спросил Гнётов, шедший впереди меня.

– Так точно.

– Пошли. Сходимся.

Добавил оборотов, чтобы подтянуться к Максими́чу. Да только капитан резко изменил направления, уйдя вправо.

Ручку по направлению его движения, сохраняя при этом скорость. Вот уже вижу в прицел силуэт самолёта, окружённого прицельными ромбиками. Сейчас можно отработать по этой цели. Но так легко не взять зам комэска.

Гнётов поменял направления, уйдя влево, но это меня не смутило. Держал его перед собой, направляя нос самолёта слегка вперёд движениям условного противника.

Максимович продолжал маневрировать, разворачиваться. А потом и вовсе сделал полупереворот и боевой разворот. Всё сложнее и сложнее за ним держаться, но я продолжал собирать очки, условно атакуя его, нажимая кнопку.

На прицеле только и успеваю держать цель в соответствующей части прицельной сетки. Вспотел ужасно, а перегрузка на очередной косой петле вжимает меня в кресло всё с большей силой. Кислорода хватало, но маска начала ходить из стороны в сторону. Кажется, вот-вот слетит или отстегнётся.

– Контроль остатка, – запросил меня Гнётов.

– Тысяча семьсот пятьдесят в килограммах, – ответил я, утирая нос от пота.

– Давай дальше.

Манёвры, манёвры... Вокруг всё вертится и крутится. Смотришь на приборы, чтобы не просесть сильно по высоте, иначе можно налететь на горы, которые скрыты сейчас в небольшой кучёвке. В одном из виражей я почувствовал, как вывалился из траектории и потерял из виду Гнётова.

– Сорвал захват, – сказал я, выходя в противоположную сторону.

– Ещё раз, – успокоил меня Гнётов и перестроился для начала маневрирования.

На прицеле дальность полтора километра, моё принижение относительно моего напарника триста метров, угол визирования на Максимовича – сорок пять градусов.

Гнётов резко ввёл свой МиГ в правый разворот. Следуя заветам великого Покрышкина и его формуле, я держался внутри его траектории. «Ось оружия» впереди его движения, и этого достаточно, чтобы угрожать своему текущему противнику. Я чуть отстал – вышел из виража и набрал высоту. Спикировал, и я снова в выигрышном положении.

Ручку управления отклонил на себя, обороты выставил «Максимал». Перевёл самолёт в набор высоты и сразу пикирую на Гнётова.

Вот уже вижу его под собой. Атакую! И теперь уже не уйти замкомэске.

– Пуск первая, пуск вторая, – выпалил я в эфир и вышел в сторону, при достижении минимальной дальности.

– Хорошо. Ещё раз сходимся.

Я уже начинаю теряться в своём местоположении, а Гнётову хоть бы что. Ходит по кругу, меняя иногда высоту полупереворотом.

Сближаюсь с ним. Держу в прицеле. Готовлюсь нажать кнопку и условно пустить ракету...

Вот зараза! «Бочка», форсированный разворот и снова косая петля. Неуловимый Гнётов!

– Заканчиваем, Сто девятый. На точку, – сказал он в эфир, и я запросил выход на маяк системы ближней навигации, которой оборудован аэродром.

В моём задании на полёт есть ещё кое-что. Так называемый афганский заход.

– Нора, Сто девятый, заход по крутой глиссаде рассчитываю с тысячи пятьсот метров, – сказал я руководителю полётами на возврате из зоны.

– Вас понял. Вход ко второму развороту на тысяче пятьсот разрешил, готовность к посадке доложите, – вышел он в эфир.

В голове прокрутил весь порядок действий, которые отрабатывал раньше с Валерой. Главное – контролировать скорость, иначе можно не выйти из пикирования вовремя.

– Нора, Сто девятый, прохожу точку, готов к посадке.

Выпустил шасси и механизацию в посадочное положение. Жду разрешения на выполнение предпосадочного манёвра.

– Сто девятый, заход, шасси, механизация, контроль.

Скорость триста сорок, высота по-прежнему тысяча пятьсот, тормозные щитки выпущены. Обороты двигателя на «малый газ». Выполняю полупереворот и пошёл снижаться по спирали.

Один виток, второй! Вертикальная скорость большая, но по-другому и не бывает при таком способе захода на посадку.

– Нора, Сто девятый, ближний, прошу посадку, – запросил я и получил разрешение.

Торец полосы прошёл, и пора выравнить самолёт, чтобы приземлиться на основные стойки шасси. Ещё немного подработать ручкой управления, чтобы загасить излишнюю поступательную скорость. И... касание!

Только когда почувствовал торможение после выпуска тормозного, смог выдохнуть. Кажется, я совершенно не дышал, когда заходил сейчас на полосу. И пот прошиб вдвое больше, чем при выполнении манёвренного боя с Гнётовым.

Так и хочется сказать, что именно так я себе представлял, пожалуй, лучшую работу в мире.

Новый год, как это и полагается молодому лейтенанту, я встретил в наряде. Стандартная ситуация, и обид здесь быть не должно.

Первое января в Осмоне выдалось стандартным в вопросе погодных условий – слякоть, грязь и ни одного солнечного просвета на небе.

В такую погоду хочется побыть рядом с камином, лечь под мягкое одеяло, включить телевизор и налить себе ароматного чайку. Из всего сказанного у меня есть только одеяло.

Вот так я и решил прогуляться на дневной сеанс в кино. Афиша местного кинотеатра «Октябрь» рекламировала фильм о легендарном герое Отечественной войны 1812 года Денисе Давыдове. «Эскадрон гусар летучих» был сейчас как нельзя кстати – яркая картина должна была порадовать меня и отвлечь от завтрашнего выхода на работу.

У кассы было не протолкнуться. Не ожидал я, что в этом времени фильмы про гусаров имеют такой успех. Да такой, что билетов попросту не осталось.

– Последний билет! – кричала кассирша, когда к окошку хлынула огромная толпа за единственным билетом. Прорваться было нереально.

Дошёл я до другого кинотеатра, и там такая же проблема. Заветные билетки присутствовали в кассах кинотеатра «Огонёк».

– Мне, пожалуйста, на «Эскадрон...», – начал спрашивать я у тучной кассирши, но меня прервали.

– Молодой человек, уже нет билетов. Приходите завтра! – воскликнула она. После нескольких минут уговоров, я всё же купил себе заветный билетик, обещая горы шоколадок и других сладостей кассирше.

Но это того стоит. Теперь мне ничто не испортит выходной день.

– Молодой человек, вы не могли бы подвинуться? – спросил за моей спиной женский голос.

И опять она! Ну не даёт мне прохода Оленька Вещевая. Я обернулся, чтобы взглянуть на неё и был приятно удивлён. Она была одета в нежное бежевое пальто, черные сапожки на каблуке, и смешной красный берет на голове.

– Ольга Онуфриевна, с Новым годом вас! – сказал я и получил в ответ вполне искреннюю улыбку.

– Спасибо... Сергей. И вас с праздником. Мне в кассу нужно.

– Прекрасно. Я вот тоже купил билет на «Эскадрон гусар...», а вы куда хотите?

– И я хочу посмотреть этот фильм...

Удивительно, но мы смогли связать несколько слов и поговорить. Оказывается, Вещий Олег вполне себе может разговаривать и не скатываться к буквоедству, касаемо медицины.

– Ой, мне же купить билет ещё надо. Будьте добры, мне мой билетик, который я у вас оставляла.

И вот сейчас началось самое интересное. Через минуту Ольга поняла, что её билет куда-то ушёл. Потом смирилась, что нет других. А в конце концов, опытным путём было выяснено, что этим человеком был я.

Будь я гусаром, возможно, отдал бы этот билет, и никто меня не пытался бы ударить по голове сумкой. Но я разбил мечту девушки, которая хотела увидеть Ростоцкого в образе Дениса Давыдова.

– Вы... хам! – не сдержалась Вещевая и замахнулась на пощёчину, да только у меня рефлекс сработал.

Я пригнулся и ушёл от оплеухи. Амплитуду удара девушка не рассчитала.

Вложились так, что сделала несколько разворотов вокруг своей оси. На ногах удержаться красавица не смогла, а я не успел отреагировать. А может, и не хотел. Интересно же посмотреть, что дальше будет.

А дальше, приземлилась Вещевая в лужу. В прямом смысле. И хорошая такая лужа – глубокая, водянистая и с большим количеством грязи. В момент перевернулось пальто.

– Ольга Онуфриевна, – попытался я ей помочь, но меня лишь обрызгали самого.

– Я вас ненавижу! Вы... вы... – пыталась она найти слова, чтобы выразить всю гамму эмоций. – Помогите мне, пока я вас не покалечила, Родин.

Помог ей встать, и Вещевая, задрав нос, решила уйти с гордо поднятой головой. Направление не то выбрала Оленька.

– Оля, стойте! – крикнул я.

– И не подумаю. Ухожу, – расплакавшись шла Ольга, не замечая никого.

– Вы не туда идёте! – снова повысил я голос, рванув к Ольге.

– Я сама знаю, куда мне...

Бах! Удар о плакат с лозунгом «Стань ударником соцтруда!» оказался на пути Вещевой и смог остановить её.

Оля плакала и не пыталась скрыть свою обиду от происходящего. А ещё шишка начала расти на лбу.

– Я... снова я не такая, как все, – рыдала Оленька. И вот как теперь её успокаивать?

Пришлось снова отложить свои планы. Уже в общежитии я принялся стирать свою одежду и наблюдал за тем, как девочка куксится на меня и отказывается стирать при мне в металлическом тазу.

– Оля, прошу, – махнул я рукой в сторону.

– И даже не подумаю, – продолжала она.

Постирать ей всё же пришлось, а мне – помочь ей вывесить одежду. Когда я заканчивал с этой постирушкой, Ольга куда-то сбежала, что как я уяснил, в её стиле.

Правда, вскоре девушка вернулась с подносом сладостей и двумя кружками чая. Вот так неожиданность! Похоже, что не такая уж и скряга эта Оленька.

– Я думаю, Сергей, пора распить чашку согласия нам с вами.

Интересное словосочетание – чашка согласия. Вещевой надо с такими мыслями в университете преподавать.

– Почему бы и нет, – сказал я, принимая от неё бокал.

– Только... только вы никому не рассказывайте. Народ у нас, сами знаете, сплетни разные собирает.

– А что? Настолько я вам не подхожу? – улыбнулся, и Ольга не сдержала смешок.

– Скажу, что после сегодняшнего дня шансов у вас немного прибавилось.

Поблагодарив друг друга за весёлое время за «рюмкой» чая, мы разошлись по комнатам.

Когда я прилёт на кровать, у меня получилось очень даже хорошо расслабиться. Руки заложил за голову, а ботинки закинул в угол.

Может, мне стоит уже жить нынешним днём? Ведь что меня останавливает в данный момент – память о моей невесте.

Я поднялся с кровати и подошёл к столу, на котором стояла фотография Жени. Красивой, воздушной и... которую я уже никогда не увижу. Взяв рамку с фотографией, я аккуратно убрал её в стол.

– Жить стоит дальше, но никогда не забывать своих близких.

На такой умиротворённой ноте я и уснул, словно младенец в колыбельке. И во сне у меня всплывали образы Вещевой Ольги, которая даже во сне меня не оставляет одного.

Настал тот самый день, когда Родина отправляет нас в суровый, но не менее прекрасный горный край. В это утро я собирался особенно быстро. В каждую из командировок в прошлой жизни брал по минимуму. Меньше несёшь – быстрее побежишь. В авиации тоже самое.

Более крупные вещи, так сказать, «общаговые» уже погрузили в транспортные Ил-76, которые пришли в Осмон пару дней назад под наш переезд.

По старой сложившейся традиции, на дорожку надо обязательно присесть, что я и сделал. Но не учёл одного момента – дверь в таких случаях надо прикрывать, поскольку обязательно кто-нибудь да зайдёт.

– Сергей, вы ещё здесь? – спросила Ольга, постучавшись в дверь. – У вас открыто было...

– Последние приготовления, – сказал я, укладывая походный рюкзак рядом с кроватью. – Со мной присядешь? – показал я Ольге место на моей кровати.

– С мужчиной и на одной кровати... Меня это смущает, – улыбнулась Ольга.

– Посидеть со мной рядом вас ни к чему не обязывает, Оля.

Вещевая присела рядом и томно вздохнула.

– Серёжа... вы уж там аккуратнее, а то, как вы все летаете... я смотрю... и боюсь. За каждого боюсь. А за вас больше всех, – посмотрела она мне в глаза и тут же отвернулась.

Переживает за меня? Это что-то новенькое!

– Оля, не переживайте. Я заговорённый, – улыбнулся и легко поцеловал в щёчку нашего начмеда, которая от неожиданности сощурилась. – Мне пора.

Я забрал свои вещи и вышел из комнаты. Вахтёрша сама закроет на замок, а из ценных вещей в комнате только моя гостья, которая, возможно, приходила ко мне в последний раз. Наверняка, когда я вернусь через год, Оля уже будет и не Вещевая. Выйдет замуж и будет счастлива. А я... я буду ждать следующего заезда в Афганистан.

На аэродроме сегодня торжественная атмосфера, но с привкусом слезы и чувства страха. Всё же, полк уходит на войну.

Самолёты готовы запускаться. Лётчики в полной экипировке стоят в строю в ожидании выступления командования дивизии, а возможно, и воздушной армии. Вокруг ЦЗТ много гражданских, семей наших военных с детьми и просто знакомые.

– Сегодня мы провожаем в Афганистан двести тридцать шестой авиационный полк. Доблестная и, пожалуй, самая боеспособная часть, – вещал с трибуны замполит, одетый в полевую форму и тоже убывающий с нами сегодня.

Я глядел по сторонам, стараясь понять, а что поменяется спустя годы? Сколько будет ещё войн и точно также жены и дети, матери и отцы будут провожать своих мужей и сыновей, а может, и дочерей. И не все вернуться...

Последней моей просьбой было переправлять письма из Афганистана моим старикам. Да только не хотел я им говорить, что лечу туда.

– Не волнуйся, Сергей, – уверял меня Трефилич, которому я оставил связку конвертов, подписанных мной во Владимирск. – Буду отправлять в срок.

– По самолётам! – крикнул командир, давая понять, что пора.

В последний момент перед закрытием кабины я встретился взглядом с Ольгой. Может, она плакала, а может, просто в глаз что-то попало, но то, что это не было наигранным можно подтвердить.

Прошли ещё несколько минут, и я снова на исполнительном старте. Впереди у меня полтора часа перелёта в Баграм, а там решат, где нам нести службу.

Лететь должны на двухминутных интервалах, но кто-нибудь, да задержится и произойдёт сдвигка.

Обороты «Максимал». Руководитель полётами даёт разрешение на взлёт. Не проходит и минуты, как я уже набираю восемь тысяч метров – расчётную высоту на перелёт. А в эфире уже слышен голос Томина.

– Я Три семь ноль ноль один, пересекаю границу Советского Союза с Демократической Республикой Афганистан.

Глава 6

По телу пробежала небольшая дрожь. Не от страха, но от предвкушения дела. Этакая прелюдия неизвестности. Ведь я был на войне в разных условиях, и всегда это были наземные операции. Максимум высадка десанта под покровом ночи.

А здесь ты, пожалуй, главная ударная сила ограниченного контингента Советских войск в Афганистане.

Внизу горные вершины Гиндукуша, возрастающие буквально из облаков, словно каменные острова в белоснежном облачном море. Зрелище завораживает!

– Сто девятый Сто восьмому, – вызвал Валера, который шёл впереди меня в нескольких километрах с принижением триста метров.

– Ответил.

– Остаток твой.

Я сразу бросил взгляд на топливомер. Показания в норме. И зачем меня проверять в такой момент, отвлекая от любования горами?

– Две тысячи.

– Понял. У тебя зарядка какая? – спросил Гаврюк, уточняя, что мне подвесили на аэродроме Осмона специалисты вооружения.

– Шестидесятые и Тринадцатые, – ответил я, машинально взглянув на подвешенные под консолями ракеты Р-60 и Р-13М.

И к чему такие вопросы? Начинаю уже думать, что не успели в Афган прилететь, а уже задач нарезают. Хоть бы дали район сначала изучить, осмотреться, а то можно и в Пакистан залететь по ошибке.

В эфире с прерыванием слышал, как кто-то ставит задачу, а Валера отвечает ему.

– Понял. Сто девятый, принял информацию от «Купола»? – запросил меня Валера, назвав позывной командного пункта армии в Кабуле.

– Нет.

– Переходи на резервный канал, связь со «Снайпером». Я встаю в вираж на шесть чetyреста и жду тебя.

Ну, что и требовалось доказать. Спокойно прилететь, разместиться и войти в курс всех дел нам не дают.

От «Снайпера», являвшимся позывным пункта наведения в Джелалабаде и с которым я связался, получил указания следовать к Сто восьмому.

– Сто девятый, далее будем, выполнял работу в зоне дежурства, – подсказал мне ОБУшник, выводя в сторону по направлению к провинции Нангархар.

А вот это уже точно рядом с Пакистаном! По рассказам старших товарищей, нередко возникали стычки с истребителями ВВС соседнего государства, являющегося не самой дружественной нам страной. Всё-таки правительство, сидевшее в Исламабаде, близко сотрудничало с американцами.

Валеру я нашёл у самой верхней кромки облаков, которые он расчерчивал «восьмёрками».

Занял высоту сбора, пристроился к нему справа и нас повели в зону дежурства.

Чем ближе мы подлетали к приграничному району, тем отчётливее слышно было творящийся бардак в эфире.

Видимо, шла какая-то операция в горах с применением всего, что только было в Джелалабаде, Хосте и близлежащих к ним базах.

Невольно начал вспоминать недавние события нашего рейда на позиции духов. Представляю, как сейчас тяжело нашим ребятам внизу.

Воображение рисует бои в ущельях за каждый выступ, камень или нишу, которая может иметь значение. Прекрасно слышу, как авианаводчик руководит действиями армейской авиации, подсказывает, откуда работает ДШК или идёт пуск ракеты. «Стингеров» ещё пока не должно быть в этом 1981 году, но «Блоупайп» или «Рейд Ай» вполне могли уже в единичных экземплярах присутствовать. Хотя... может, с моим появлением здесь, и история слегка пошла по другому сценарию?

– Сто девятый, выход из зоны с курсом восемьдесят градусов. Обнаружена цель, следует от границы с курсом двести семьдесят. На запросы не отвечает, – вышел на связь с нами пункт наведения.

– Понял. Сто девятый, разворот вправо, крен сорок пять, обороты восемьдесят девять, – сказал Валера, и мы плавно начали разворот на нужный курс.

Похоже, «проснулись» соседи с Першаварского аэродрома! Это один из главных пунктов базирования авиации Пакистана, и находится он вблизи афганской границы.

– Скорость восемьсот, высота пять тысяч... паашли, – скомандовал Гаврюк, и мы начали быстро снижаться, приближаясь к горным вершинам.

Заняв нужную высоту, нас перенаправили на другой курс, поскольку цель, обойдя высокие перевалы, снизилась до пяти тысяч пятьсот. Теперь она двигалась в сторону Кабула – столицы Афганистана.

– Справа на месте, – доложил я, выйдя из разворота чуть с опозданием.

– Не отставай. Обороты девяносто пять, скорость по прибору – девятьсот, – командовал Валера.

Мы начинали разгоняться, чтобы как можно быстрее достичь нарушителя.

– Сто восьмой, цель по курсу, дальность шестьдесят пять, выше пятисот, – подсказывал местоположение цели ОБУшник.

– Понял. Прицел в режим ГИРО. Включение «Главного» по команде, – сказал Валера.

Включать оружие следует уже на боевом курсе. Несмотря на то, что мы находимся на одной линии с целью, дальность пуска наших ракет не позволяет пока ещё стрелять.

– Цель по курсу, дальность сорок.

– Включаю главный. Сто девятый, прикрываешь, – сказал Валера, выйдя чуть вперёд меня.

Я всё всматривался и всматривался вдаль, но за отдельными кучёвками не получалось разглядеть ничего над собой.

– Цель по курсу, дальность тридцать.

Пробили ещё несколько облаков. Пальцы нервно постукивают по рычагу управления двигателем. Такого я ещё не чувствовал в своей лётной жизни. Сейчас передо мной реальная цель, которую, возможно, придётся сбить. Это не воздушная мишень, которую уничтожали в процессе подготовки к Афганистану. Это настоящий противник.

Валера, идя впереди меня, вошёл в облако. Как и полагается в таком случае, я отвернул вправо, отсчитал пять секунд и вернулся на прежний курс.

– Цель по курсу, дальность...

– Цель наблюдаю! – громко сказал в эфир Валера, который уже, видимо, вышел из облаков.

Облачность осталась позади, а передо мной появилась та самая цель. Большой транспортный самолёт «Геркулес», который явно не должен здесь находиться. Первая мысль была, что это американский самолёт. По-любому выполняет какую-то разведку.

Подойдя к нему ближе, стало понятно, что это пакистанцы. И вряд ли нормальные пилоты будут соваться в Афганистан, зная, что здесь есть истребители Советских ВВС. А главное – никто не ведёт разведку на такой высоте. Обычно забираются гораздо выше.

– Купол, ответь Сто восьмому, – запросил Валера командный пункт в Кабуле.

– Сто восьмой, цель обнаружена? – спросили у нас весьма грубым голосом.

Видимо, кто-то из генералов лично решил руководить. Пока нам объясняли, что нужно подойти, спросить у него что-то, показать свои ракеты, Валера уже всё это сделал. Я же пристроился сзади нарушителя и держал того в поле зрения на расстоянии пары километров.

– Цель наблюдаю, Купол. Транспортный самолёт, опознавательные знаки Пакистана. Визуальный контакт... установлен.

– На запросы не отвечает?

– Сто восьмой, нарушитель не отвечает. Провожу маневрирование.

Гаврюк продолжил выписывать манёвры вокруг «Геркулеса». Даже «бочку» сделал, но тот не отворачивал и продолжал идти своим курсом.

– Сто восьмой, я Купол, дать предупредительный залп.

– Понял. Сто девятый, зайди справа и дай очередь из пушки. Только мимо, – дал команду Валера.

Естественно, что мимо! Да только поможет это? Так называемые «красные линии» в отношениях с нашим государством пересеклись не раз и не два. Однако мы порой это всё проглатываем и не предпринимаем никаких мер.

Вот и сейчас. Я встал справа от транспортника, продолжая следовать с ним одним курсом. Поравнявшись с кабиной, я увидел там вращающиеся головы пилотов. Как мне кажется, им там совсем невесело!

Ну, ведь экипажу дают понять, что они летят не туда, а они не реагируют. Наводит на дурные мысли.

Самолёт вне зоны поражения пушки, так что очередь его не заденет. Отошёл назад, включил тумблер Главного выключателя вооружения... немного завис.

– Сто восьмой, разрешил предупредительный залп, – спокойно повторил Валера.

– Сто восьмой, в чём там проблема? Докладывайте! – не унимались большие дяди с командного пункта.

Им легко говорить, сидя рядом с индикатором. Их промахи обычно списываются на других. А вот промахнусь я, и целый транспортный самолёт упадёт вниз на склоны горных хребтов. Попробуй потом уверить себя, что ты не мог избежать этого?

– Сто девятый, пуск, – сказал я, и нажал на гашетку.

Передо мной устремилась вперёд очередь пушечных снарядов, которую должны были увидеть и с борта «Геркулеса». Так оно и вышло. Через несколько секунд нарушитель границы взял курс в сторону афгано-пакистанской границы.

Получилось, что зайдя на несколько километров вглубь территории, они спокойно вернулись обратно. Может, что и сфотографировать успели, а может, просто заблудились, и связь у них пропала.

– Сто восьмой, я Снайпер, закончить работу, курсом на точку, связь с Окабом, – передал нам указание пункт наведения.

– Понял вас, Снайпер. Спасибо за управление, хорошей смены, – попрощался с ними Валера, и мы вместе перешли на частоту Баграма.

Горы и горы, ущелья сменяются перевалами и ложбинами. А вот наш пункт назначения находится в самой настоящей долине, которая сейчас выглядит золотисто-серым блюдцем в окружении горных массивов. Лишь с южной стороны виднеется просвет, которым является пустыня. Она, словно ворота в этот район, который и должен стать для нас домом на целый год.

– Сто девятый Сто восьмому.

– Ответил.

– Кроки аэродрома хорошо изучил? – тихо спросил Валера.

Будто бы нас никто на этом канале не услышит. Не пошепчешься на канале управления.

– Да.

– Готов парой зайти по крутой глиссаде? – запросил Валера.

– Готов.

– Окаб, Сто восьмой, рассчитываем «покороче» зайти парой. Шасси, механизация дополнительно.

Руководитель полётами на аэродроме продолжал в эфир раздавать указания по рулению транспортным самолётам и, прикрывающим заход на посадку, вертолётам.

– Разрешил, Сто восьмой. Начало снижения подскажите, – дали нам добро на такой заход.

И всё, как отработывали ранее. Только сейчас уже не сделаешь спираль или полупереворот. Заход нужно построить плавнее, исключая резкие довороты. А высота по-прежнему больше полутора тысяч метров, что вкупе с истиной высотой аэродрома или превышением над уровнем моря тысяча четыреста шестьдесят метров, даёт совсем уже большую высоту и разряженный воздух.

Самолёт ведёт себя несколько по-другому. Ему нужно больше тяги двигателя, чтобы взлететь. А на посадке тебе может не хватить оборотов, чтобы уйти на второй круг.

– Шасси... выпущены, механизация... в посадочное, обороты... «малый газ» и снижаемся, – скомандовал Валера, и мы пошли пикировать в торец полосы.

Плавно, не упуская из виду ведущего, я снижался к тонкой серой полоске, коей и является взлётно-посадочная полоса. Чувствую сильный боковой ветерок, который выносит меня во внешнюю сторону разворота. Беру поправку, но это не сильно помогает. Валера тоже начинает заваливаться на меня.

– Правее уходим, – сказал я, замечая, как полоса начинает уходить в сторону от нас.

– Дай правую педаль сильнее. Пускай скольжение будет. Выровнять успеем.

Чуть сильнее отклонил педаль, и меня немного развернуло носом к торцу полосы. Смотрю, а Валера в таком же положении. Продолжаем заход.

Подходим к ближнему приводу. Крен по-прежнему есть, но мы ещё в развороте и не вышли на посадочный курс.

– Я с перелётом сажусь, – сказал Валера, предупредив, что сядет за полосой точного приземления.

По сторонам смотреть некогда, но краем глаза вижу, как над стоянками кружат вертолёты.

Полоса уже близко. Смотрю на Гаврюка, а он ещё выше меня и летит куда-то в район центра полосы. Уже представил, как нам будут выговаривать за корявую посадку парой.

Касание! Бегу по полосе, не опуская носа. Чувствую, что тормозной мне не понадобится.

Вот он и Баграм! Осмотревшись, я уже заметил, что строилось всё здесь на совесть.

Полоса три тысячи метров – сажай кого хочешь! Стоянок много, и какие угодно – открытые, в обвалованиях, закрытые капонирами и так далее. Пока рулил по магистральной рулёжке, отметил для себя, где находится стоянка дежурного звена и само помещение для нахождения лётчиков на дежурстве. Как раз на этой рулёжке мне и ставят предохранительные чеки, чтобы ракеты не сошли случайно.

На широком перроне разгружаются Ил-76е и Ан-12, которые были забиты под завязку нашим техническим составом, имуществом, техникой и другими грузами.

Рулю медленно, чтобы осмотреться как можно лучше и запомнить расположение стоянок.

– Сто девятый остановитесь перед второй рулёжкой, «вертикальных» пропустите, – остановил меня руководитель полётами, когда я подъезжал к стоянке вертолётчиков.

Прямо передо мной приземлился один Ми-24, а следом ещё, и начали заруливать к себе.
– Окаб, Сто девятый, пропустил. Продолжаю руление, – сказал я и присмотрелся к махающему мне человеку справа.

Это ж мой техник Дубок. Только он не махал, а отдавал мне воинское приветствие. Естественно, не ответить взаимным жестом я не мог.

– Сто девятый, я Семьсот тридцать седьмой, от триста шестьдесят третьей отдельной вертолётной, приветствуем вас на этой земле! – в эфир весело поздоровался кто-то из экипажей «крокодилов».

– Семьсот тридцать седьмой, взаимно. Спасибо за встречу, – поблагодарил я его за прикрытие на посадке.

– Сто девятый, ждём у нас в модуле. Мы с вами соседи... – уже начал приглашать к столу меня братецвертикальный.

– Я кому-то устрою сейчас горячую встречу! – прозвучал в эфире жёсткий голос.

Похоже, что начальство не дремлет и бдит за соблюдение сухого закона. По крайней мере, так кажется.

А вот и стоянка наших МиГ-21. Мы с Валерой заруливаем уже крайние. Остальные уже давно здесь и толпятся рядом с грузовыми машинами, в ожидании отъезда к местам отдыха и проживания.

Пока я осматриваюсь, техники проверяют мой борт, снимают показания средств объективного контроля, дают мне журнал, чтобы я расписался за полёт.

Как раз в моём направлении идут Томин с Бажаняном и замом по инженерно-авиационной службе. Выслушав от меня доклад, он поздравляет с прибытием и коротко пытается узнать об инциденте с «Геркулесом». Через минуту и Валера присоединяется к нам вместе с Буяновым.

– Ну, главное, что это были не «Миражи». Есть слухи, что Пакистан себе Ф-16 может занять в следующем году. Вот это будет не совсем хорошо, – высказал своё предположение Томин.

Проходит немного времени и вот на стоянке уже стоит вся оперативная группа нашего полка, получая инструкции от Валерия Алексеевича. А за его спиной загружается Ан-12. Не сидят эти ребята на земле.

– Итак, ребя, кто-то из вас здесь уже был, тогда расскажете тем, кто не был, – начал он произносить приветственное слово. – Я буду исполнять обязанности старшего авиационной группы на этом аэродроме. Но это не значит, что можно праздновать каждый день.

В строю сразу покотился радостный шёпот, мол, всё равно будет отмазывать. Это ж командир.

– Работы у нас много. Задачи поставлены, а условия за последнее время здесь улучшились. Это уже не палатки, как в начале войны, а вполне себе крыша над головой. Есть у кого проблемы, предложения, рекомендации?

В ответ лишь молчание.

– Не могу, ребя, не спросить, пока... – начал говорить Томин, но за его спиной к Ан-12 подъехали два ГАЗ-66.

Валерий Алексеевич обернулся и осмотрел транспорт. Когда началась разгрузка, Томин поправил свою форму и застегнул куртку.

– Пооолк, три шага вперёд, мааарш! – скомандовал он и все дружно выполнили команду. Только после этого я увидел, что, а точнее, кого грузили в самолёт.

Деревянные ящики с прибитыми к ним табличками с информацией о погибшем. У кого-то прибита фуражка сверху, а на каких-то ящиках просто написано краской, кто едет на родину.

– Пооолк! Смиирно! – громко пробасил Томин, приложив руку к голове.

Последние почести им отдадут уже в Советском Союзе, а здесь их память почтём мы и их товарищи. Никого из них не знали ни я, ни Томин, ни кто бы то ещё в нашем строю. Однако свой долг перед родиной они выполнили сполна, заплатив, самую большую цену.

С момента, когда этих погибших погрузят на борт Ан-12, четырёхдвигательный самолёт вновь станет «Чёрным тюльпаном» и ему придётся выполнить свою самую неприятную работу.

– Вольнооо! – крикнул Томин и повернулся к нам. – Пока ещё здесь находятся транспортные самолёты, есть те, кто не готов? Прямо сейчас, кто выйдет из строя, я пожму руку и отправлю в Союз. И ни один из нашего полка не плюнет этому человеку в спину. Есть те, кто не готов?

Я посмотрел на лица стоящих рядом со мной. Все лётчики полны уверенности, за исключением одного. Марик был несколько бледен, но выйти не решался. Может, просто нехорошо от увиденного?

– Благодарю, товарищи! – вновь приложил руку к голове Томин. – Выдвигаемся в жилой городок! Разойдись.

Глава 7

В одной ближневосточной стране я уже что-то подобное видел в прошлой жизни. Не так глянцево и пафосно, но сходства налицо.

– А почему «модуль»? – спросил Мендель, когда мы въехали на тентованном грузовике в охраняемую зону жилого городка.

– Да кто его знает. Это военно-бытовой жаргон. Модуль и модуль – коротко и ясно, – отмахнулся Гаврюк. – Я вообще в сортир хочу и мне что модуль, что палатка сейчас побоку.

Тут я готов поддержать Валеру, поскольку сам уже готов посетить местную уборную. И что-то мне подсказывает, она выглядит, как обычный деревенский «нужник». Я и не рассчитывал увидеть здесь унитазы.

– А госпиталь, каким был, таким и остался, – отметил внешний вид медицинского учреждения Буянов.

Приземистый одноэтажный барак с множеством пулевых отверстий отличался от соседних зданий толпившимися около входа людьми в куртках, надетых на белый халат. Увидел даже пару девушек, но не сказать, что прямо сейчас готов кинуться в их объятия.

– Оленьку нашу не вспоминаешь? – толкнул меня в плечо Барсов, сидевший напротив.

– Ты о чём?

– Ха! Думаешь, все вокруг слепые. Вся общага знает, что вы уже чай гоняете на кухне, – ехидно посмеивался Марик, словно гиена.

– Завидуешь?

– Ну а почему бы и нет. Девочка-то она ничего... – начал говорить Марик, но тут же поймал острый взгляд комэски. – Мне она неинтересна. У меня есть кем... интересоваться, – отмахнулся он и продолжил смотреть на дорогу.

Никак не успокоится златовласый. Когда поймёт, что его старания меня «прожарить» ни к чему не приведут? Но в чём-то он прав – про Оленьку я начал вспоминать.

Проехали штаб, у которого уже стоял Томин, обнимаясь с кем-то на ступенях. Рядом с этим зданием есть отдельные посты охраны, которые проверяют каждого перед входом.

Можно заметить самые настоящие землянки, вырытые, как я понял ещё в самом начале ввода в Афганистан. За неимением, да и вообще непригодности к местному климату, производственных палаток П-38, похоже, что пехота прибегла к обустройству своих жилищ самостоятельно. Оно и понятно – в палатку пыль постоянно просачивается, брезент приходит в негодность, да и летом температура внутри запредельная. Приятно удивляет, что по большей части электричество уже централизованное, но и генераторы кое-где имеются.

– Налаживается быт. И досуг есть, я смотрю, – сказал Валера, указывая на военных, гоняющих на песчаной площадке в футбол.

Если есть время на такие перемещения по открытой местности, значит, о снайперах здесь не слышали. Но вот мы рядом с жилыми модулями.

Стоят эти тёмные домики за высоким частоколом, напоминающим средневековые крепости. Представляют собой наши жилища не что иное, как обычные вагончики. В таких в будущем будут жить строители и другой рабочий персонал на дальних производствах и добычах.

Да что далеко ходить, если и в армии будущего снова обратятся к опыту эксплуатации подобных построек. Именно по образу таких афганских модулей и делались известные в будущем «кимбы». Как минимум во внешнем виде внуки «модулей» обходят своих старичков.

– Так, ребяташки, выходим! – послышался армянский голос Бажаняна.

Оказалось, что это не так. У Араратовича есть в Баграме «земляк». Да только не видно его из-за борта. Откуда говорит, непонятно.

– Ай, подкинь брат, а? – послышалось у края кузова, и через секунду показался выходец страны коньяков. – Выходим. Сейчас покажу, где надо кушать, спать, попку приложить и... ну сами придумаете себе досуг, – спрыгнул он вниз и снова пропал.

Знакомый Араратовича оказался начальником тыла. Представился он нам как подполковник Горонян. Из отличительных его особенностей – он армянин с хорошим чувством юмора, находчивости и доброты. Ну и ростом Горонян был чуть выше хоббита.

– Эу, что стоим, не понял я, а? – недоумевал Бажанян, подошедший к нашей толпе, когда мы слушали очередной рассказ о рейде Гороняна за какими-то украшениями в город.

– Эй, брат! – загорелись глаза у Гороняна, когда он увидел родную душу и пошёл обниматься к нашему заму командира.

– Мамой клянусь, не знал, что тут есть братья! – не меньше тыловика обрадовался Тигран Араратович. – Слушай, здесь такое дело. Давай отойдём. Мне только надо расселить, по вышке там, чтоб тепло... Ну, по-братски чтоб всё было. Ай, брат, сделаем, да?

– Да, слушай, брат, всё сейчас сделаем. Ты лучше скажи кто, как, откуда...

В общем, теперь есть о чём поговорить этим двум сыновьям Армянской ССР.

И таки да, условия Горонян нам обеспечил очень даже неплохие. Комната на шесть человек, шкаф, стулья, стол. Даже есть кондиционер, который, правда, требовал ещё подключения и место для установки в окне. Этим уже можно заняться ближе к тёплому времени года.

Внутри достаточно тепло. Как работает отопление – я ещё не разобрался, да и не очень-то и хочется. Самое большое желание – опробовать уборную. Здесь всё без изменений – переоборудовали кунг от какого-то грузовика под это дело. Правда, пол уж очень подвижный. Кто-то уже точно ронял что-то в дырку. Как мне сказал сержант с мотострелкового батальона, стоявший рядом с местом помывки рук, случаи уже были.

– Как вообще обстановка? – уточнил я у него.

– Да относительно, товарищ лейтенант. Днём тихо, ходить можно спокойно и не бояться. Ограждение сделали мы хорошее. Снайперы не видят, кто ходит внутри по перемычкам между модулями.

– Ночью концерты выдают?

– А то! – воскликнул он. – В небе, что салют на День Победы. На заставах несладко приходится. Я завтра туда убываю.

– Удачи! – пожал я ему руку. – Береги своих ребят и себя.

– Вы тоже... не знаю, как у вас желают удачи, – улыбнулся он.

Разгрузившись и установив привезённые с собой бытовые приборы, мы начали попеременно их включать. После нескольких выбиваний пробок, раздались крики соседей. Только после этого, мы смогли определить алгоритм использования бытовой техники.

Телевизор «Рекорд» с кучей тумблеров, радио с кассетным магнитофоном и самовар вместе включать нельзя. Холодильник «Сокол» работает только от определённой розетки, находящейся в конце коридора, а плитку и вовсе можно включать, когда выключено всё. Зато ни на что не влияет работа кипятильника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.